944
A-941

944
A 941

27 3 3 3 3 3 3

КЦ 37 1060-211 V до 31/XII 38

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

27/XI-212

150 до 6/IV 39.

121 до 27/3-44
1382 до 23/V 66

Колич. предыд. выдач

Тип. „Пролетарская мысль" М. Сухаревская, 9. Зак. 1365

Ко.
ЭК

Г. Е. Аѳанасьевъ.

Инвентарь № 1586
Систематич. кат. № 175
1А
44 п
А

НАПОЛЕОНЪ I.

60273
49.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ШАЦКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.
944
А941

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская ул., собств. д. № 4.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 7 Февраля 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателя публичныя лекціи были мною читаны въ Одессѣ въ 1894 году и записаны и составлены однимъ изъ моихъ слушателей. Я ихъ исправилъ и кое гдѣ дополнилъ. Я думаю, что та часть русской публики, которая по разнымъ обстоятельствамъ не имѣетъ возможности слѣдить за западноевропейской исторической литературой, найдетъ для себя въ этихъ лекціяхъ кое что новое и интересное, а, можетъ быть, и заинтересуется тѣми книгами о Наполеонѣ, которыя послужили матеріаломъ при составленіи этихъ лекцій.

НАПОЛЕОНЪ I.

Публичныя лекціи.

Лѣтъ десять тому назадъ въ этой залѣ читались проф. Трачевскимъ лекціи по тому же предмету, который занимаетъ насъ теперь. Это было настолько недавно, что казалось-бы всякое сообщеніе о Наполеонѣ I, будетъ только повтореніемъ того, что всѣмъ извѣстно. Но въ послѣдніе годы появилось нѣсколько сочиненій о Наполеонѣ, въ которыхъ его личность и дѣятельность подверглись новой обработкѣ и оригинальному освѣщенію. Такъ какъ по всей вѣроятности не всѣ изъ этихъ сочиненій стали достояніемъ большой части публики, то это даетъ мнѣ смѣлость занять ваше вниманіе настоящею бесѣдою.

Занимаясь оцѣнкой дѣятельности крупныхъ историческихъ личностей, мы вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ продолжаемъ въ тоже время испытывать на себѣ результаты этой дѣятельности, и это всегда препятствуетъ относиться къ изучаемому предмету также объективно, какъ мы относимся къ даннымъ науки о природѣ. Факты нашего прошлаго, опредѣляющіе наше настоящее, слишкомъ сильно волнуютъ людей, чтобы возможно было полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ крупныхъ личностей, стоящихъ на поворотныхъ точкахъ исторіи и опредѣляющихъ дальнѣйшее направленіе европейской жизни. Смотря потому, какое настроеніе господствуетъ въ обществѣ, оно относится такъ или иначе къ этимъ личностямъ и къ оставленному ими наслѣдству. Историки—дѣти своего времени, а потому они не могутъ быть свободны отъ этого го-

сподствующаго общественнаго настроенія; оно вліяетъ на нихъ даже въ томъ случаѣ, когда они относятся къ нему отрицательно. Вслѣдствіе этого современность отражается какъ въ выборѣ историческихъ темъ такъ и въ освѣщеніи историческихъ фактовъ и въ отношеніи къ крупнымъ историческимъ дѣятелямъ. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежитъ и Наполеонъ. И теперь еще мы не видимъ, собственно во Франціи, безпристрастной оцѣнки его личности и дѣятельности. Интересно взглянуть на то, какъ измѣнялся взглядъ на него общества и науки подъ вліяніемъ направленій исторической жизни.

Въ періодъ реакціи 1815—30 г.г. оцѣнка Наполеона была такова, какой только можно было ожидать отъ побѣдителей имперіи, и, какъ тогда казалось, революціи. Государственные дѣятели стремились изгладить изъ памяти или запятнать все, что напоминало революцію и ея созданія. Это „безумное и преступное движеніе“ и его исчадіе--Наполеонъ были въ глазахъ реакціонеровъ исполнены зла и порока. Не было такихъ постыдныхъ дѣяній, которыхъ бы не приписывали Наполеону (напр. отношенія къ сестрѣ) и не было тѣхъ общественныхъ бѣдствій, причиною которыхъ не выставлялось-бы его дѣло. Такое едва понятное теперь настроеніе, охватило не только толпу, но и людей выдающихся по уму и по таланту, и не только во Франціи но и внѣ ея. Вспомнимъ, напримѣръ, первое по времени стихотвореніе Пушкина о Наполеонѣ (1815 г.), или сочиненіе Вальтеръ-Скотта о Наполеонѣ, носящее названіе „исторіи“. Но пришло время, когда тяжесть реакціоннаго режима возродила въ обществѣ симпатіи къ принципамъ 89 г, и усилило либеральную партію. Опасеніе за цѣлость соціальныхъ и политическихъ учрежденій унаслѣдованныхъ отъ восемьдесятъ девятаго года, вызвала іюльскую революцію во Франціи. Она знаменовала собою торжество либерализма. Отголоски этого движенія чувствовалнсь во многихъ частяхъ Европы. Почти всюду послѣдующее время отмѣчено ослабленіемъ реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и отношеніе къ Наполеону. Ощущеніе тяжести его режима сгладилось, а размѣры его заслугъ и славы росли въ прямой пропорціи къ

незначительности дѣятелей реакціи и опасности, которою они грозили новѣйшей культурѣ. По мѣрѣ этого роста личность Наполеона стала рисоваться въ какомъ то чудесномъ ореолѣ.

Это отношеніе къ Наполеону отразилось и въ поэзіи, и въ исторіи. Пѣсни Беранже—культъ Наполеона; двадцати томная „Histoire du consulat et de l'empire“, Тьера—грандіозный историческій апоѳеозъ его. Вспомнимъ стихотвореніе Пушкина „Печальный жребій совершился.....“, стихи Лермонтова: „Межъ-тѣмъ какъ Франція среди рукоплесканій“, написанные по поводу перенесенія праха Наполеона во Францію, припомнимъ „Двухъ Гренадеровъ“ Гейне, „Ночной Смотръ“ Зейдлица (Жуковскаго), и мы почувствуемъ это преображеніе личности Наполеона подъ вліяніемъ историческихъ событій. Перенесеніе тѣла Наполеона во Францію и похороны его въ Домѣ Инвалидовъ стали грандіозною демонстраціей Наполеоновскаго культа. Іюльская монархія, желая эксплоатировать память Наполеона въ свою пользу, содѣйствовала этимъ актомъ оживленію бонапартистской партіи. „Какъ-бы то ни было, не хорошо малевать на стѣнѣ чорта“, говоритъ Рохау (Исторія Франціи въ XIX в.) по поводу перевезенія гроба Наполеона I во Францію. Переворотъ 2-го Декабря 1851 г. и вторая имперія были между прочимъ результатомъ этого культа Наполеона I. Но между днями 2 Декабря и 18 брюмера, не считая кроваваго характера перваго переворота, была такая-же разница, какъ между ихъ авторами. Идеи, стремленія, даже ухватки Наполеона „le petit“ напоминали Наполеона I-го, но въ немъ не было ни его таланта, ни нравственной силы его дяди, которые-бы оправдывали диктатуру. Да къ тому-же и обстоятельства были не тѣ: Франція въ 1799 году искала диктатора, который-бы вывелъ ее изъ хаоса, въ которомъ она находилась; наканунѣ-же 2-го Декабря 1851 года Франція вовсе не была въ томъ безвыходномъ положеніи, которое оправдало-бы „coup d'Etat“ съ его насиліемъ надъ обществомъ.

Режимъ второй имперіи подѣйствовалъ разрушительно на бонапартистскую легенду. Реакція противъ нея началась въ половинѣ 60-хъ годовъ. Тэнъ въ своемъ сочиненіи „Па-

рижъ и провинція 2 Декабря 1851 г.“., написанномъ сдержанно и безпристрастно, нанесъ сильный ударъ бонапартизму въ настоящемъ. Подъ вліяніемъ того-же общественнаго настроенія Ланфрэ, въ своей исторіи Наполеона преслѣдовалъ бонапартизмъ въ его прошломъ, разрушая легенду, созданную Тьеромъ. Страсти, властолюбіе, эгоизмъ, даже отсутствіе геніальности—вотъ образъ Наполеона I, какимъ его рисуетъ Ланфрэ. Но имперія пала, измѣнились условія жизни и измѣнился опять взглядъ на роли и личности историческихъ дѣятелей.

Въ первой половинѣ текущаго вѣка Франція была запѣвалою европейской жизни. Она представлялась творцомъ и хранителемъ принциповъ, превозглашенныхъ революціей 1789 года, принциповъ, на которыхъ строилась политическая жизнь Европы. То были принципы индивидуализма, свободной конкуренціи, невмѣшательства государства въ экономическія отношенія и полной политической свободы и равенства передъ закономъ. Сюда прибавлялось „братство,“ но оно служило скорѣе для декораціи, чѣмъ для дѣйствительнаго руководства общественною жизнью. Но условія жизни обнаруживаютъ недостатки этихъ принциповъ. Въ жизни и въ наукѣ новые соціальные принципы берутъ верхъ надъ старыми принципами 89 г; все болѣе распространяется убѣжденіе, что развитіе и благосостояніе личности возможно только при тѣсной связи съ обществомъ, при подержки слабаго противъ сильнаго, что государство, какъ выраженіе общественнаго союза, не только не должно быть нейтрально, но обязано руководить экономическими отношеніями въ интересахъ общей пользы. Съ точки зрѣнія этого взгляда нельзя было не отнестись критически и къ революціи 89-го г.

Этотъ новый фазисъ исторіографіи выразился въ подробномъ изученіи и на основаніи современныхъ документовъ, какъ хода революціи, такъ и въ особенности времени, ей предшествовавшаго. Результатомъ этого изученія были весьма важныя поправки. Во первыхъ, оказалось, что положеніе народа при старомъ порядкѣ, далеко не было такъ плохо, какъ это изображалось прежде, и что самая неизбѣжность революціи,

въ смыслѣ полнаго упраздненія феодализма объясняется именно тѣмъ, что во Франціи положеніи народа было лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи. Во вторыхъ не все то, что сдѣлано революціей, было необходимо. Напротивъ, нѣкоторыя учрежденія стараго порядка, требовали сохраненія, какъ противовѣсъ крайнему индивидуализму. Неограниченная свобода экономическихъ отношеній, восторжествовавшая во время революціи тоже оказалась неудобной. Еще у Зибеля въ извѣстномъ сочиненіи „Исторія Французской революціи и ея времени“, сказывается отрицательное отношеніе къ революціи, но его сочиненіе—памфлетъ, хотя и памфлетъ научный съ огромной эрудиціей. Во Франціи подъ вліяніемъ новаго умонастроенія открылась въ Сорбоннѣ новая кафедра спеціально по исторіи французской революціи, которую занималъ проф. Оларъ. Онъ-же издаетъ особый журналъ, посвященный Французской Революціи и названный ея именемъ. Интересъ къ революціонной эпохѣ и масса новаго матеріала, появившагося, отчасти благодаря этой кафедрѣ, были причиной появленія замѣчательнаго труда Тэна „Les origines de la France contemporaine“. Первый его томъ “L'Ancien regime“ лучшая часть его сочиненія; въ немъ „старый порядокъ“ и причины его крушенія, описаны иначе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Уже въ этой части, однако, замѣтно нѣкоторое пристрастіе, которое сказалось въ слѣдующихъ томахъ гораздо-рѣзче, особенно въ описаніи террора.

Личность и дѣла Наполеона I такъ тѣсно связаны съ исторіей революціи, что переработка послѣдней не могла не коснуться и не захватить и его исторіи. Но для безпристрастной его оцѣнки весьма неблагопріятнымъ обстоятельствомъ было то, что вторая имперія закончилась кризисомъ гораздо болѣе тяжелымъ чѣмъ тотъ, которымъ закончилась первая имперія. Говоря о томъ, откуда пошла современная Франція, Тэнъ не могъ обойти Наполеона, котораго онъ считаетъ необходимымъ наслѣдіемъ революціи и организаторомъ Франціи XIX вѣка. Увлекательна и поэтична характеристика Наполеона въ этомъ сочиненіи, увлекательна до того, что нужно, чтобы прошло нѣкоторое время послѣ чтенія книги, чтобы можно

было критически отнестись къ этому цѣльному образу и заподозрить, что это не настоящій Наполеонъ. Увлекаясь мемуарами Ремюза и Сталь, черпая новый матерьялъ изъ неизданныхъ еще тогда мемуаровъ Шапталя и Пакье, Тэнъ закрываетъ глаза на факты, находящіеся въ этихъ самыхъ мемуарахъ, но которые противорѣчатъ созданному имъ образу Наполеона. Это образъ геніальнаго кондотьера, прямого наслѣдника душевныхъ свойствъ этихъ итальянцевъ XV вѣка. Бездушный эгоистъ, лишенный даже пониманія альтрюизма, не имѣющій никакихъ общественныхъ идеаловъ, красивый хищникъ, который весь міръ считаетъ своей добычею, страстный, безпощадный и безконечно сильный,—таковъ Наполеонъ Тэна, создавшій государственную машину Франціи не для нея самой, а для своего удобства и сообразно своему вкусу.

Сочиненіе Тэна произвело сильное впечатлѣніе. Оно вызвало другія сочиненія о Наполеонѣ I, въ которыхъ авторы стараются разрушить образъ, созданный Тэномъ и на мѣсто его поставить другой, болѣе симпатичный. Такова большая книга Артюра Леви „Napoleon Intime“ (Arthur Levy) болѣе объемистая чѣмъ книга Тэна, но гораздо менѣе талантливая, преисполненная пожалуй не меньшей эрудиціи, но скорѣе еще болѣе пристрастная. (*) Это апологія Наполеона человѣка. Если подъ кистью Тэна онъ становится страшнымъ, но красивымъ хищникомъ, то въ книгѣ Леви онъ является типичнымъ буржуа, а мѣстами такъ просто „bon homme,“ котораго обижаютъ родственники и которому платятъ неблагодарностью облагодѣтельствованные имъ люди.

Той-же внутренней жизни Наполеона касаются появившіеся въ послѣдніе годы сочиненія Массона (Masson, Napoleon et les Femmes) и „Napoleon chez lui“. Извѣстность автора этихъ книгъ ручается, что время на ихъ прочтеніе не будетъ потеряно даромъ. Слѣдуетъ однако помнить, что авторъ убѣжденный бонапартистъ.

---

*) Имя автора до сихъ поръ совершенно не было извѣстно въ наукѣ. Между тѣмъ содержаніе книги обнаруживаетъ автора уже опытнаго въ дѣлѣ. Не прикрывается ли этимъ именемъ другой авторъ, пожелавшій скрыть свое авторство?

Неизвѣстный авторъ выпустилъ недавно небольшую книжечку подъ заглавіемъ „Les Monologues de Napoleon“. Въ видѣ рѣчей будто-бы сказанныхъ Наполеономъ самому себѣ, авторъ пытается изобразить мысли и чувства, волновавшія его душу въ выдающіеся моменты его жизни. Конечно нельзя отрицать извѣстной доли фантазіи въ этихъ монологахъ, хотя авторъ и старается положить въ ихъ основу слова и факты дѣйствительно имѣвшіе мѣсто; но надо отдать книгѣ справедливость: она во многихъ случаяхъ вѣрно воспроизводитъ душевныя свойства Наполеона. Особенно нравятся мнѣ монологи пріуроченныя къ сраженію при Лоди, переправѣ черезъ Нѣманъ и къ компаніи 1814 года.

Кто желалъ бы прочесть небольшую, но хорошо составленную книгу о Нсполеонѣ и его исторической дѣятельности, тотъ могъ бы взять сочиненіе Фурньера (Fournier), изданное въ Вѣнѣ, а потомъ переведенное на французскій языкъ, подъ заглавіемъ „Napoleon I“, сочиненіе это интересно тѣмъ, что факты Наполеоновской дѣятельности онъ ставитъ въ связь съ историческими традиціями и такимъ образомъ выясняетъ ихъ историческій смыслъ. Сочиненію предпосланъ большой библіографической указатель источниковъ и сочиненій, относящихся къ исторіи Наполеона.

Мы видимъ М.м. Г.г., что съ концомъ восьмидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ пересмотромъ вопросовъ, относящихся къ французской революціи 1789 года, наступило и новое отношеніе къ наполеоновской эпохѣ. Это новое отношеніе не безпорядочная диффамація, какъ это было въ періодѣ реакціи, и не славословіе, какъ это было въ тридцатые и сороковые годы, а стремленіе критически разобрать весь матерьялъ и выснить историческое значеніе дѣятельности Наполеона I, и возсоздать его личность. Тэнъ не рѣшилъ этой задачи; но онъ намѣтилъ ее и возбудилъ снова сильный интересъ къ предмету, и отдѣльныя монографіи идутъ къ этой цѣли.

Между тѣмъ появляются на свѣтъ и новые матерьялы. Въ 1893 г. изданы мемуары Шапталя (Chaptal Mes souvenirs sur Napoleon) а въ настоящее время продолжается из-

данiе мемуаровъ Пакье (Pasquier. Histoire de mon temps). И тѣ и другiе очень интересны.

Шапталь, извѣстный химикъ, завѣдывавшiй пороховымъ заводомъ во время террора, бывшiй потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ при Наполеонѣ, имѣвшiй съ нимъ близкiя личныя сношенiя и знакомый подробно со многими дѣлами, оставилъ мемуары, тѣмъ болѣе цѣнные чѣмъ менѣе мы встрѣчаемъ въ нихъ пристрастiя и дѣланности.

Мамуары Пакье еще болѣе интересны. Онъ былъ префектомъ полицiи при Наполеонѣ, канцлеромъ во время Бурбоновъ, и iюльской монархiи; его руками былъ сожженъ портфель генерала Савари, бывшаго тогда министромъ полицiи. Передъ тѣмъ, по просьбѣ послѣдняго онъ прочелъ эти бумаги. Кромѣ того, что онъ зналъ самъ много по своей служебной дѣятельности, или слышалъ отъ другихъ, онъ во многомъ, пополнилъ свои свѣдѣнiя изъ архивнаго матерьяла часть котораго или изчезла (бумаги Савари), или же еще не доступна для науки. Какъ умѣренный роялистъ, Пакье относился къ Наполеону очень сдержанно, какъ человѣкъ рыцарски честный, онъ говоритъ о немъ правдиво. Безпристрастье его мемуаровъ бросается въ глаза. Интересъ ихъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенiя къ развязкѣ наполеоновскаго царствованiя, такъ что 14 и 15 годы, читаются съ захватывающимъ интересомъ. Есть факты совершенно новые. Напримѣръ, какъ полицiя Пакье накрыла фабрику русскихъ и австрiйскихъ ассигнацiй, а утромъ оказалось, что эту фабрику устроилъ самъ министръ полицiи Савари по распоряженiю Напелеона. Вышедшiй на дняхъ 4-й томъ ведетъ разсказъ о времени второй реставрацiй Бурбоновъ. *)

Мемуары госпожъ Ремюза и Сталь богаты интереснымi данными. Они сообщаютъ однако свѣдѣнiя о личности Наполеона, трудно согласимыя съ показанiями Шапталя и Пакье. Многое тутъ объясняется пристрастнымъ отношенiемъ къ Наполеону этихъ писательницъ, особенно г-жи Сталь, выз-

---

*) Въ 1894 и 1895 годахъ вышли V и VI томы. Въ послѣднемъ разсказъ кончается процессомъ министровъ Карла X въ началѣ iюльской монархiи.

ваннымъ личными отношеніями; но кромѣ того надо принять во вниманіе время, къ которому относится то или другое показаніе. Въ характерѣ Наполеона конечно происходили измѣненія, а потому фактъ, относящійся къ одному времени, можетъ не согласоваться съ фактомъ, относящимся къ другому; между тѣмъ изъ мемуаристовъ, сколько я знаю, только Шапталь обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ указываетъ, что Наполеонъ-консулъ, это сама энергія и любознательность; къ сорока годамъ, говоритъ онъ, онъ пополнѣлъ и не такъ довѣряетъ своимъ силамъ, „онъ выродился“ (il etait dégénéré). Особенно сильна перемѣна по возвращеніи изъ Москвы, „Я утверждаю, говоритъ Шапталь, что со времени этой печальной эпохи, я не видѣлъ въ немъ ни той послѣдовательности идей, ни той силы характера..., не видно было ни того расположенія, ни той способности къ труду, какъ прежде. Съ этого времени верховая ѣзда стала утомлять его, сонъ сталъ одолѣвать его и обѣдъ сталъ привлекать его“*). Хотя это показаніе нѣсколько преувеличено и даже противовѣчитъ тому, что авторъ самъ говоритъ пятью страницами раньше о неутомимости Наполеона послѣ похода въ Россію, но несомнѣнно, что измѣненія въ положеніи Наполеона, могли и должны были вліять на его характеръ и отношенія къ окружающему. Эти примѣры, мнѣ кажется, приводятъ къ мысли что вновь появляющіеся матерьялы относящіеся къ Наполеону, небезпристрастіе сочиненій, появившихся объ немъ въ послѣднее время, вызываютъ потребность въ новой разработкѣ исторіи Наполеона.

Задача историка—перебрать всю корреспонденцію Наполеона и научныя сочиненія о немъ и написать книгу, относясь критически ко всѣмъ этимъ источникамъ и поставивъ свою работу по возможности въ независимость отъ современныхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній.

Такая работа едва ли подъ силу французу, въ жизни котораго и теперь еще слишкомъ глубоки слѣды вліянія фак-

---

*) Chaptal. Memoires p. 332.

торовъ эпохи Наполеона. Едва-ли могутъ справиться съ нею ближайшіе сосѣди Франціи—нѣмцы, вслѣдствіе ревниваго отношенія ко всему, что составляетъ славу французовъ. Легче заняться ею русскому или англичанину. Они, мнѣ кажется, могли-бы легче отрѣшиться отъ тѣхъ политическихъ отношеній, которыя волнуютъ французовъ, и могли-бы поэтому болѣе объективно отнестись къ Наполеону и его дѣятельности.

При такомъ положеніи дѣла было-бы слишкомъ смѣло съ моей стороны брать на себя изображеніе теперь передъ вами личности Наполеона такою, какою она является послѣ разбора источниковъ; но мнѣ кажется, я не вызову нареканія за потерянное время, если ограничусь въ своихъ бесѣдахъ тѣмъ, что сообщу о немъ лишь то, что извѣстно по послѣднимъ изданнымъ сочиненіямъ.

Сынъ бѣднаго корсиканскаго дворянина, Наполеонъ былъ королевскимъ стипендіатомъ въ военной школѣ въ Бріеннѣ и затѣмъ продолжалъ свое образованіе въ высшемъ военномъ училищѣ въ Парижѣ. Какъ корпусъ офицеровъ, такъ и военныя школы стараго режима были наполнены исключительно молодыми дворянами. Отношеніе этого общества къ корсиканскимъ дворянамъ было нѣсколько презрительное. Бѣдная одежда, плохой выговоръ, даже корсиканскій патріотизмъ Наполеона служили предметомъ насмѣшекъ товарищей. При большихъ способностяхъ и такомъ-же самолюбіи онъ не могъ служить шутомъ молодымъ Роганамъ и Монморанси, не могъ то-же, по бѣдности, водить компаніи съ ними; результатомъ его школьныхъ годовъ явилась антипатія къ привиллегированнымъ классамъ и замкнутость въ своихъ патріотическихъ привязанностяхъ и демократическихъ чувствахъ. Впрочемъ взглядъ, что будто въ школѣ уже у него выработалось презрѣніе къ людямъ и что онъ совершенно чуждался товарищей, невѣренъ. Какъ въ это время у него были друзья, такъ и позже онъ сближался съ людьми, и впослѣдствіи, на вершинѣ счастья, онъ сохранилъ эти привязанности юности.

Кромѣ двухъ главныхъ чертъ его личности; корсиканскаго патріотизма и демократическихъ симпатій, въ это вре-

мя ясно высказывается еще одна основная черта—сильное чувство семьи. Въ Парижѣ застаетъ его извѣстіе о смерти отца. Сохранилось два письма его по этому поводу: къ матери и къ дѣду, архидіакону Люціану. Въ нихъ сквозитъ горячая привязанность и искреннее сыновнее чувство. Двадцатилѣтній юноша съ крайне ограниченными денежными средствами, берется быть опорою семьи; онъ сдержалъ всѣ свои обѣщанія, и это теплое отношеніе къ роднымъ не покидало его въ теченіи всей его жизни, какъ во время первоначальнаго бѣдственнаго существованія, такъ и въ періодъ славы и власти.

Бѣдствовать ему приходилось много прежде, чѣмъ онъ достигъ обезпеченнаго положенія. По окончаніи парижской военной школы онъ не могъ даже одѣться какъ слѣдуетъ, и долженъ былъ удовольствоваться плохо пригнанной казенной обмундировкой. Платье было не по росту, сапоги ужасно велики. Когда онъ явился въ своемъ новомъ мундирѣ къ своимъ знакомымъ Пермонъ, то дѣти, его большіе пріятели расхохотались надъ нимъ и прозвали его „котъ въ сапогахъ“. На другой день онъ имъ принесъ эту сказку Перро съ иллюстраціями. Одна изъ этихъ юныхъ пріятельницъ была впослѣдствіи женою генерала Жюно, и носила титулъ герцогини д'Абрантесъ и оставила записки въ шестьнадцати томахъ. Онѣ были переведены на русскій языкъ.

По окончаніи училища въ Парижѣ, Наполеонъ былъ назначенъ подпоручикомъ артиллеріи въ Валансъ. Тамъ вначалѣ онъ велъ довольно открытую жизнь. Кромѣ товарищей у него были знакомства въ мѣстномъ обществѣ. Знакомства эти занимали больше мѣста въ его жизни, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Онъ даже бралъ уроки танцевъ. чтобы имѣть успѣхъ у барышень, и вообще поддерживалъ свѣтскія отношенія, на сколько это позволяли его средства. На ряду съ этимъ и интересы общественные привлекали его вниманіе. Это было свѣтлое время работы Національнаго Собранія. Идеи и треволненія революціи задѣвали за живое двадцатилѣтняго демократа; но, какъ видно изъ его сочиненія, представленнаго въ это время на премію, Корсика занимаетъ

первое мѣсто, въ его мысляхъ. Онъ, однако, принимаетъ дѣятельное участье въ обществѣ „друзей конституціи“ въ Валансѣ, которое было отдѣленіемъ Якобинскаго клуба; онъ занимаетъ въ немъ видную должность секретаря. Но эти интересы не помѣшали ему помнить объ обѣщаніи быть опорою семьи. Въ 1791 г. онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе брата—Людовика, и это обязанность поглащаетъ все его свободное время. Привезя брата изъ Аяччіо въ Валансъ, онъ самъ подготовляетъ его въ военную школу. Необходимость жить вдвоемъ на 3 фр. 5 сант. въ день, заставляла его отказаться отъ всякаго общества. Жизнь его протекала между службою и занятіями съ братомъ. Счеты Наполеона, сохранившіеся отъ этого времени, показываютъ, что только при полномъ ограниченіи всѣхъ потребностей братья могли существовать. Они жили въ одной маленькой комнаткѣ, ѣли разъ въ день, спали на одной кровати. Наполеонъ не могъ даже одѣваться, какъ слѣдуетъ, и очень усердно чинилъ свой мундиръ, чтобы заставить его прослужить подольше. Но при этихъ лишеніяхъ мы находимъ расходъ на обонементъ въ библіотекѣ для чтенія. Это характерно.

Патріотизмъ корсиканца и любовь къ семьѣ заставляютъ Наполеона ѣхать затѣмъ въ Корсику искать мѣсто въ тамошней національной гвардіи. Въ ней онъ сталъ полковникомъ, оставаясь въ то-же время поручикомъ артиллеріи, каковое совмѣститетьство было разрѣшено декретомъ Національнаго Собранія.

Но на родинѣ его ждало большое разочарованіе. Вожакомъ движенія на островѣ явился Паоли, старый борецъ за свободу Корсики, бѣжавшій нѣкогда въ Англію. Не совсѣмъ ясны причины борьбы съ нимъ Наполеона. Кажется, это не было просто соревнованіе изъ за первенства. Паоли долго проживавшій въ Англіи, хотѣлъ, какъ кажется, употребить свое вліяніе для отдачи острова подъ покровительство Англіи, во всякомъ случаѣ для ослабленія связи съ Франціей. Наполеонъ былъ противъ этого. Онъ былъ за связь съ Франціей. Не смотря на свой мѣстный патріотизмъ, онъ былъ уже фран-

цузомъ по воспитанію и раздѣлялъ антипатіи французовъ къ Англіи.

Дѣло дошло до открытой вражды. Наполеонъ попытался употребить противъ Паоли силу, опираясь на часть національной гвардіи. Но это ему не удалось и онъ долженъ былъ бѣжать. Злоба его противниковъ обратилась на его родныхъ. Домъ Бонапартовъ былъ сожженъ; вся семья должна была убѣжать въ Марсель, гдѣ она существовала нѣкоторое время на счетъ общественной благотворительности. Эти событія нанесли рѣшительный ударъ корсиканскому патріотизму Наполеона. Уже раньше, какъ видно изъ одного письма его къ брату Іосифу, онъ разочаровался въ своихъ землякахъ; теперь всякая связь съ ними было порвана, и ему ничего не оставалось, какъ совсѣмъ отдаться Франціи и въ ней создать себѣ поприще своей дѣятельности.

Съ этимъ разочарованіемъ къ своей родинѣ почти совпало у него другое—разочарованіе въ демократіи. Еще до окончательнаго удаленія его изъ Корсики, онъ ѣздилъ въ Парижъ для возстановленія себя въ чинѣ поручика артиллеріи. Не смотря на декретъ Національнаго Собранія, разрѣшившій офицерамъ арміи числиться въ тоже время въ національной гвардіи, онъ былъ уволенъ военнымъ министромъ въ запасъ именно потому, что занялъ должность полковника національной гвардіи въ Аяччіо. Ему удалось возстановить свои права. Пребываніе въ Парижѣ оставило въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Это было лѣтомъ 1792 г., во время послѣднихъ судорогъ монархіи. Онъ видѣлъ, какъ мало энергіи и способностей выказывалъ дворъ, и это его возмущало. Онъ видѣлъ 20 Іюня Людовика XVI на балконѣ Тюльерійскаго дворца въ фригійской шапкѣ, окруженнаго вооруженной чернью. Стоя на тротуарѣ съ товарищемъ и видя эту сцену Наполеонъ воскликнулъ: „che coglione“! (что за дуракъ!). Онъ видѣлъ штурмъ Тюльери и избіеніе швейцарцевъ 10-го Августа, и это зрѣлище возмутило въ немъ чувство военнаго человѣка и человѣка порядка. Онъ видѣлъ наконецъ сентябрьскія убійства, и начинавшуюся анархію, долженъ былъ даже спасать своихъ старыхъ знакомыхъ

Пермоновъ отъ секціоннаго коммиссара Тиріо, личнаго ихъ врага, подъ предлогомъ исполненія гражданскаго долга ворвавшагося къ нимъ съ ночнымъ обыскомъ. Письмо его въ это время къ брату Жозефу, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, какъ подѣйствовало зрѣлище парижской анархіи на его демократическія убѣжденія: „когда видишь, что здѣсь происходитъ“, пишетъ онъ, „является сомнѣніе заслуживаютъ ли народы тѣхъ жертвъ и трудовъ, какіе имъ приносятся. О томъ, что здѣсь происходитъ ты можешь судить по событіямъ въ Аяччіо, здѣсь только гораздо больше лжи, клеветы и подлости“.

Наполеонъ не одинъ терпѣлъ такое разочарованіе. Подъ его письмомъ могъ-бы подписаться и Мирабо и многіе другіе дѣятели того времени, разрушившіе старый порядокъ, чтобы создать новый, и не совладавшіе съ силой, которая пришла теперь въ движеніе. Тѣмъ болѣе такой моментъ былъ важенъ въ жизни 23 лѣтняго человѣка, убѣжденія котораго были менѣе прочны, а впечатлѣнія болѣе сильны, чѣмъ у другихъ людей, болѣе пожилыхъ и болѣе опытныхъ. Впечатлѣнія Аяччіо и Парижа должны были сильно измѣнить натуру Наполеона. Когда по прибытіи изъ Корсики въ Марсель онъ поступаетъ въ южную армію, онъ не былъ уже ни корсиканскимъ патріотомъ, ни демократомъ.

Теперь ему удалось выдвинуться. Прославившая его осада Тулона доставила ему чинъ бригаднаго генерала. Но судьба его преслѣдовала. Паденіе террористовъ отразилось и на его карьерѣ, хотя въ личныхъ его отношеніяхъ къ брату Робеспьера не было особенной близости. Подозрѣніе всетаки существовало. Оно себѣ нашло пищу въ доносѣ Салисетти, земляка Наполеона. Послѣ паденія Тулона Наполеонъ былъ переведенъ въ итальянскую армію. По соглашенію съ Робеспьеромъ младшимъ онъ сдѣлалъ поѣздку въ Италію съ цѣлью подробнаго топографическаго изученія театра дѣйствій. Такъ какъ эта поѣздка, понятно, не была гласною, то Салисетти въ своемъ доносѣ, придалъ ей преступное значеніе. Результатомъ была арестъ Наполеона, послѣдовавшій за 9-мъ Термидора. Черезъ 3 недѣли онъ былъ выпущенъ; но все же

его рѣшили перевести въ пѣхоту тѣмъ же чиномъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ униженіе и отказался отъ назначенія, за что былъ и уволенъ-въ запасъ съ небольшимъ содержаніемъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ хлопотать о своемъ дѣлѣ и, пока что, нашелъ работу въ военномъ отдѣлѣ комитета общественнаго спасенія; здѣсь онъ воспользовался свѣдѣніями, пріобрѣтенными во время поѣздки въ Италію, и выработалъ планъ кампаніи для итальянской арміи. Интересна судьба этого перваго плана геніальнаго полководца; онъ былъ послан602ъ на разсмотрѣніе ген. Шереру, главнокомандующему сказанною арміею. Тотъ отвѣчалъ, что планъ этотъ произведеніе сумасшедшаго и, чтобы попробовать исполнить его, надо прислать въ Италію его сумасшедшаго автора.

Составъ комитета общественнаго спасенія періодически измѣнялся. Новые члены комитета опять подняли дѣло объ отказѣ Неполеона ѣхать въ Вандею, за что онъ былъ уже наказанъ отчисленіемъ въ запасъ. На этотъ разъ онъ былъ уволенъ въ отставку. Просьбы и хлопоты, репутація талантливаго генерала—все было напрасно. Правительство термидоріанцевъ было хуже даже террористовъ, которые всетаки были людьми идеи. Послѣ 9 Термидора у кормила правленія, стали бездарные эгоисты. И управленіе, и нравы были одинаково безпорядочны. Теперь настали для Наполеона черные дни. Онъ еще никогда не переживалъ такой нужды и такого тяжелаго нравственнаго состоянія. Ни денегъ, ни работы. Немногое, что было, прожито. Приходилось проводить дни впроголодь, должать за квартиру; одежда пришла въ такой безпорядокъ, что совѣстно было въ люди показаться. Мундиръ потерялъ всѣ признаки своего первоначальнаго цвѣта. По разсказамъ его товарища Бурьена, бросаясь всюду за средствами существованія, онъ вздумалъ заняться книжной торговлей; эта попытка не удалась. Наполеонъ старался рѣже бывать у своихъ старыхъ знакомыхъ Пермонъ, боясь казаться лизоблюдомъ. Дѣло дошло до того, что онъ вынужденъ былъ обратиться въ военное управленіе съ просьбою о выдачѣ сукна на обмундировку. Ему было отказано сначала, и только заступничество Г-жи Тальенъ,

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Моск. Об. Библіотеки

любовницы Барра, сдѣлало то, что его просьба была удовлетворена. Здоровье Наполеона сильно пошатнулось; онъ похудѣлъ до такой степени, что въ немъ подозрѣвали чахотку. Лица, встрѣчавшія Наполеона въ салонѣ Г-жи Тальенъ,— онъ тамъ бывалъ изрѣдка,—обращали вниманіе на мрачной видъ этого худенькаго и маленькаго генерала. Забившись въ уголъ, онъ, казалось, не замѣчалъ того, что говорилось вокругъ него. Но, бывало, что онъ забывался, и принималъ участье въ общемъ веселіи, и тогда онъ былъ необузданно веселъ, и вытворялъ разныя шалости. Разсказываютъ какъ разъ онъ изображалъ изъ себя колдуна, и по линіямъ рукъ дѣлалъ предсказанія Г-жѣ Тальенъ и ея гостямъ. Посѣщеніе салона этой знаменитой красавицы имѣло значеніе для Наполеона не въ томъ только отношеніи, что онъ получилъ казеннаго сукна на мундиръ. Здѣсь онъ познакомился съ Жозефиною Богарне; тутъ же онъ сталъ ближе извѣстенъ Барра, этому вліятельному политическому дѣятелю.

Эти мѣсяцы нужды и униженій не могли пройти безслѣдно для нравственнаго развитія Наполеона. Онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ хаотическимъ безпорядкомъ управленія, съ эгоизмомъ и бездарностью правителей, и онъ чувствовалъ эти недостатки тѣмъ глубже, что самъ терпѣлъ отъ нихъ. Разочарованіе въ людахъ, начавшееся раньше, теперь должно было сдѣлать большой шагъ впередъ.

Въ то время случилось событіе, окончательно положившее прочное основаніе будущности Бонапарта. Мы говоримъ о возстаніи 13-го Вандемьера. Буржуазно-роялистское движеніе зажиточныхъ кварталовъ нанесло пораженіе войскамъ конвента, и вечеромъ 12-го Вандемьера толпы инсургентовъ занимали позиціи вокругъ Тюльерійскаго сада и улицы Риволи. Въ минуту опасности термидоріанцы поручили Барра спасеніе конвента, а ему напомнили о Бонапартѣ и онъ пригласилъ его и представилъ конвенту, какъ своего помощника или вѣрнѣе, фактическаго военноначальника. Рѣшительность, быстрота и искусство молодого генерала, на другой день быстро подавили возстаніе.

Наполеонъ явился защитникомъ конвента не какъ пред-

ставитель политической партіи, а какъ генералъ, оставшійся за штатомъ, которому поручили команду. Для него это было исходомъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ онъ находился. Если его убѣжденіе и играло какую либо роль, то развѣ въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ человѣкъ порядка, долженъ былъ быть противникомъ возставшихъ тѣмъ болѣе, что возстаніе имѣло монархическій оттѣнокъ. Поэтому едвали правдоподобно извѣстіе, приводимое Тэномъ, что еще наканунѣ 13-го Вандемьера, вечеромъ, идя изъ театра, и видя бивуаки инсургентовъ на улицѣ, Наполеонъ сказалъ своему спутнику: „еслибы они поручили мнѣ команду, я завтра же водворилъ ихъ въ Тюльери“. Едвали также вѣроятно и другое извѣстіе, что, выслушавъ предложеніе Барра, Наполеонъ попросилъ нѣсколько минутъ на размышленіе. Слишкомъ ужъ это театрально.

Какъ бы то ни было, успѣхъ 13-го Вандемьера доставилъ Наполеону больше того, что онъ могъ желать: онъ ему доставилъ сразу выдающееся положеніе. Послѣдовавшее затѣмъ назначеніе главнокомандующимъ итальянской арміей открыло ему поприще безпримѣрнаго и безпрерывнаго успѣха и славы, которое похоже на какой то чудный сонъ. Былъ-ли этотъ двадцатисемилѣтній генералъ тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ пять лѣтъ назадъ? Намъ кажется, что за это время въ немъ произошла значительная перемѣна.

Наполеонъ—поручикъ былъ корсиканскимъ патріотомъ, Наполеонъ—генералъ уже не былъ имъ. Причину перемѣны мы видѣли. Наполеонъ—поручикъ былъ демократомъ, сторонникомъ якобинцевъ; потомъ онъ разочаровался въ демократіи. Послѣдніе мѣсяцы присоединили сюда разочарованіе въ республиканскомъ правительствѣ, наслѣдовавшемъ террористамъ. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ него выработался человѣкъ, ищущій карьеры, сознающій свое превосходство надъ окружающими его политическими дѣятелями, сторонникъ порядка и дисциплины, не создавшій еще новаго опредѣленнаго политическаго идеала, но относящійся отрицательно или по меньшей мѣрѣ равнодушно къ существующему государственному строю.

Но эти измѣненія касаются Наполеона какъ политическаго дѣятеля; что касается его характера и его частныхъ отношеній къ людямъ, то тутъ мы видимъ ту-же личность, которая и впослѣдствіи подверглась весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Выдающаяся черта его характера — теплое чувство къ семьѣ — оставалась неизмѣнною до конца жизни. Изъ братьевъ онъ болѣе всего любилъ Людовика: онъ работалъ съ нимъ въ Валансѣ, слѣдилъ потомъ за его успѣхами въ школѣ; въ письмахъ своихъ къ матери, онъ съ восторгомъ говоритъ объ его успѣхахъ и горячемъ, благородномъ характерѣ. Когда онъ былъ уже императоромъ, въ разговорѣ съ Редереромъ, о возможномъ наслѣдникѣ престола, онъ вдругъ спросилъ: „почему вы говорите мнѣ о многихъ другихъ, а не о Людовикѣ. Это меня огорчаетъ; онъ мнѣ почти сынъ, привязанъ ко мнѣ какъ никто, дѣлалъ со мной итальянскій походъ и покрытъ ранами“. Это чувство перешло у него и на дѣтей Людовика. Его видывали въ Сенъ-Клу бѣгающимъ въ запуски и играющимъ съ дѣтьми Людовика и Гортензіи, у которыхъ для него не было другого имени кромѣ l'oncle bibiche. Отношенія между братьями испортились, когда Людовикъ сталъ королемъ Голландіи. Онъ постоянно нуждялся въ деньгахъ, кромѣ того, какъ честный человѣкъ, не приносилъ интересовъ своего государства въ жертву интересамъ Франціи, протестовалъ противъ усиленія французскихъ гарнизоновъ и т. д. Наполеонъ преслѣдовалъ свою политику, смотрѣлъ на Голландію какъ на служебное Франціи государство, и негодовалъ на брата за его поползновенія къ самостоятельности: но когда выведенный изъ себя, Людовикъ отказался отъ престола, онъ всѣми силами старался примириться съ нимъ.

Отношенія со старшимъ братомъ Іосифомъ, до возвышенія Наполеона, были очень хороши. Потомъ они измѣняются къ худшему. Можетъ быть ихъ портила зависть Іосифа, старшаго въ родѣ, къ успѣхамъ Наполеона. Наполеонъ говаривалъ смѣясь: „Іосифъ, кажется, склоненъ иногда думать, что я похитилъ у старшаго брата престолъ нашего короля

отца“ *). Впрочемъ, несмотря на такія отношенія и лѣнивую натуру Іосифа, Наполеонъ выдвигалъ его, сдѣлалъ его королемъ Неаполитанскимъ, потомъ королемъ Испаніи, хотя тотъ не переставалъ будировать долгое время, титулуя своего брата консуломъ, когда тотъ принялъ уже императорскій титулъ. Его неспособность, лѣность и самомнѣніе доставляли много хлопотъ Наполеону. Поведеніе Іосифа, когда онъ былъ посланъ для военной практики въ армію Сульта и потачки, которыя послѣдній ему дѣлалъ, какъ брату консула, вызвали рѣзкій выговоръ Наполеона и Сульту и брату. Онъ напомнилъ первому воинскій уставъ и потребовалъ, чтобы онъ относился къ полковнику Бонапарта согласно его чину и оставилъ въ сторонѣ всякія другія соображенія. Брату онъ писалъ: „Помните, что лѣностью вы ничего не достигнете“. Къ сожалѣнію и впослѣдствіи, когда Іосифъ былъ королемъ неаполитанскимъ, а потомъ испанскимъ, Наполеонъ обращалъ его вниманіе на то, что слѣдуетъ болѣе работать и самому слѣдить за государственными дѣлами. Онъ иногда вмѣшивался въ его дѣла, и это вмѣшательство сердило Іосифа. Мало того, этому вмѣшательству брата онъ приписывалъ свои неудачи. По словамъ Пакье, онъ говорилъ въ 1814 году: „я бы и до сихъ поръ былъ въ Мадридѣ, еслибы братъ соблаговолилъ освободить меня отъ своихъ войскъ, своихъ генераловъ и своихъ маршаловъ. Меня любили на полуостровѣ и были-бы рады удержать меня , если-бы мое дѣло могло быть отдѣлено отъ дѣла моего брата.**). Это самомнѣніе комично.

Иное чувство является въ насъ, когда мы узнаемъ, что въ это же время, когда братъ его пядь за пядью отстаивалъ почву Франціи, съ мужествомъ отчаянія боролся противъ огромной коалиціи, Іосифъ приставалъ къ Маріи Луизѣ съ весьма недвусмысленнымъ и оскорбительнымъ ухаживаніемъ. Пакье говоритъ, что когда онъ узналъ объ этомъ впервые изъ письма Наполеона, онъ заподозрилъ безумную подозри-

*) Pasquier. Hist. de mon temps. t. I p. 402.

**) Pasquier II p. 200.

тельность ревнивца; но потомъ онъ убѣдился что это была правда *).

Третій его братъ Люціанъ, предназначавшійся сначала въ духовное званіе, и воспитывавшійся въ семинаріи въ Э, также доставилъ не мало хлопотъ Наполеону. Оказавъ ему въ качествѣ предсѣдателя совѣта 500 значительную помощь во время переворота 18 брюмера, онъ добивался консульскаго достоинства, и обидѣлся за отказъ. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ какъ посолъ въ Испаніи, онъ отличился страшнымъ лихоимствомъ и казнокрадствомъ. Это заставило Наполеона удалить его со службы. Наконецъ женитьба его на своей любовницѣ вдовѣ Жубертонъ, помѣшать которой Наполеонъ оказался не въ силахъ, послужила причиной къ окончательному разрыву между братьями, который прекратился только во время пребыванія Наполеона на Эльбѣ. Къ чести Люціана надо сказать, что именно въ то время, когда для Наполеона настали черные дни, онъ первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію и явился къ нему со своей помощью.

Отношенія Наполеона къ младшему брату Жерому были совершеннно отношеніями отца къ сыну. Да и послѣдній относился къ нему какъ сынъ, хотя и очень избалованный. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда Наполеонъ сталъ консуломъ. Онъ не помнилъ нужды, привыкъ къ роскоши. Не встрѣчая ни въ чемъ отказа, онъ не выучился цѣнить деньги и сдерживать свои потребности. Еще юношей однажды онъ купилъ себѣ бритвенный приборъ въ 25000 фр., для пользованія которымъ не доставало только бороды и усовъ. Шапталь, сообщая объ этомъ случаѣ, говоритъ. „Чтобы подчинить брата болѣе строгому режиму и удалить его изъ придворной атмосферы, оказывавшей на него дурное вліяніе, Наполеонъ отдалъ его во флотъ, съ приказаніемъ относиться къ нему построже. Сначала онъ былъ очень доволенъ, ибо получалъ хорошіе отзывы командира судна о способностяхъ и о службѣ брата. Потомъ Жеромъ поссорился съ адмираломъ Вилларе-Жуайезъ (Villaret-Joyeuse) и въ 1803 году, когда корабль стоялъ въ

**) Pasquier II p. 238.

Гваделупѣ, онъ дезертировалъ. Вскорѣ послѣ того онъ появляется въ Балтиморѣ и тамъ женится на нѣкоей Патерсонъ. Ему было 19 лѣтъ. Родственники этой дѣвушки предвидѣли сопротивленіе Наполеона этому браку, а потому включили въ брачный договоръ, что въ случаѣ расторженія брака Жеромъ уступитъ женѣ 1/3 своего имущества. Наполеонъ лишилъ его правъ наслѣдства и правъ принца. Въ 1805 году Жеромъ возвращается въ Европу получаетъ прощеніе при условіи расторженія брака, а Наполеонъ обязался выплачивать его женѣ 60.000 фр. ежегодно, каковая сумма ей выплачивалась аккуратно вплоть до 1814 года. Исключая этого случая, отношенія Наполеона къ Жерому были наиболѣе гладкими и не нарушались никакою ссорою, хотя его нерѣдко огорчало легкомысліе послѣдняго.

Но наиболѣе близкія отношенія соединяли его съ его матерью Летиціей; болѣе всѣхъ сыновей онъ походилъ на нее физически и духовно. Это былъ одинъ и тотъ-же характеръ, та-же энергія, та-же желѣзная сила воли; даже любовь къ экономіи и порядку была одинакова. Наполеонъ всегда заботился о матери и не оставлялъ ее своею помощью. Обѣщаніе быть ей защитникомъ и помощникомъ, данное послѣ смерти отца, не осталось пустымъ звукомъ. Когда онъ сталъ императоромъ, онъ окружилъ ее почетомъ и роскошью, подобающими „madame mère“, какъ ее титуловали. Онъ осыпалъ ее подарками, давалъ ей большія суммы денегъ и очень сердился, видя что она не тратитъ этихъ денегъ, а копитъ ихъ. Ея бережливость, перешедшая подъ старость въ скупость, была впрочемъ единственнымъ предметомъ пререканій между Летиціей Бонопартъ и ея любимцемъ „Napolione“, какъ она не переставала называть его по итальянски. Возражая на его укоры въ скупости, старая корсиканка говорила иногда, что она копитъ деньги на черный день, что она не вѣритъ въ прочность его положенія.

На островѣ Эльбѣ она была съ нимъ и поддерживала его въ его несчастіи, когда даже жена покинула его. Задумавъ планъ высадки во Францію, Наполеонъ подѣлился съ нею своею тайною. Такъ разсказываетъ она сама объ этомъ въ

своихъ воспоминаніяхъ. „Однажды вечеромъ, когда мы стояли въ Porto Terrajo, мнѣ показалось, что императоръ веселѣе обыкновеннаго. Онъ пригласилъ меня и сестру свою Полину съиграть съ нимъ партію écarté. Мы сѣли за карточный столъ, но не прошло и нѣсколько минутъ, какъ онъ всталъ. оставилъ насъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Видя, что онъ не возвращается, я пошла за нимъ, но камергеръ сказалъ мнѣ, что онъ вышелъ погулять въ садъ. Была чудная весенняя ночь. Мѣсяцъ свѣтилъ сквозь листву деревьевъ и я увидѣла императора быстрыми шагами идущаго внизъ по аллеѣ. Вдругъ онъ остановился, прислонился головою къ фиговому дереву и вполголоса сказалъ: „и все таки я долженъ сказать объ этомъ моей матери!“ Услыхавъ эти слова, я быстро подошла къ нему и съ нетерпѣніемъ вскрикнула: „ну такъ говори-же, что съ тобою и почему ты такъ задумчивъ?“ Императоръ, закрывъ лице руками, и послѣ минутнаго колебанія сказалъ: „хорошо, я скажу тебѣ въ чѣмъ дѣло, но запрещаю говорить объ этомъ съ кѣмъ-бы то ни было“. Затѣмъ онъ улыбнулся, поцѣловалъ меня и прибавилъ: „такъ вотъ, я сообщаю тебѣ, что уѣзжаю сегодня ночью“. „Куда?“ „Въ Парижъ“. „Но прежде всего прошу тебя высказать объ этомъ свое мнѣніе“. „Такъ дай мнѣ на время забыть, что я твоя мать“, воскликнула я и затѣмъ продолжала: „Небо не допуститъ, чтобы ты умеръ спокойно въ своей постели или чтобы ты погибъ отъ тайнаго врага. Ты долженъ встрѣтить смерть съ мечемъ въ рукѣ, какъ тебѣ подобаетъ..... „Не напоминаетъ ли этотъ діалогъ спартанскую мать? Тэнъ называетъ Летицію Бонапарте деревенскою Корнеліею. Пожалуй, по суровой величавости она и напоминаетъ римскихъ женщинъ.

Когда разыгралась трагедія ста дней, и когда стало ясно, что все кончено, тогда произошло прощаніе другого рода, безъ надежды на свиданіе, безъ упованія на славный конецъ. Очевидецъ этой сцены трагикъ Тальма, разсказывалъ чтицѣ королевы Гортензіи, что императоръ не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ слабости, но что по лицу синьоры Летиціи скатились двѣ крупныхъ слезы. Она только сказала: „прощай, мой сынъ“, а императоръ отвѣтилъ: „про-

щай, матушка“. Послѣ этого они обнялись и поцѣловались. Тутъ въ первый разъ въ жизни душевная боль осилила натуру Летиціи: она заболѣла.

На островѣ Св. Елены, чѣмъ больше уходила въ даль воспоминаній грандіозная карріера Наполеона, тѣмъ ярче выступали образы родины и дѣтства, тѣмъ живѣе становились чувства привязанности къ роднымъ мѣстамъ и къ любимой и любящей матери. Вспоминая о Корсикѣ онъ говаривалъ: „все было тамъ хорошо, даже запахъ земли. Если-бы мнѣ принесли ее, я бы узналъ ее съ закрытыми глазами; я нигдѣ больше не встрѣчалъ этого запаха“. Въ то время какъ Летиція, поселившись въ Римѣ, и замкнувшись въ своемъ горѣ, вся погрузилась въ мысль о своемъ несчастномъ сынѣ и стала суровѣе и строже къ своимъ остальнымъ дѣтямъ, въ воображеніи Наполеона, тамъ, въ его заточеніи, образъ матери принималъ все болѣе мягкія и нѣжныя очертанія. Онъ безпрерывно о ней говоритъ, разсказываетъ о ней своимъ окружающимъ и хвалитъ ее какъ самую дорогую и любящую мать. „Вы хорошо за мной ходите“, сказалъ онъ однажды, печально улыбаясь, своему домашнему врачу Антомарки (Antomarchi), „но если-бы моя мать была со мной, тогда все было-бы иначе. Ахъ! Мама Летиція! Мама Летиція!“, жалобно проговорилъ онъ, закрывая лицо руками.

Изъ всего сказаннаго объ отношеніяхъ Наполеона къ своимъ братьямъ и къ своей матери онъ рисуется человѣкомъ, у котораго очень сильно было развито родственное чувство. Въ немъ очень сильно сознаніе обязанности заботиться о своихъ братьяхъ и сестрахъ; онъ выдаетъ замужъ однѣхъ и старается такъ или иначе вывести въ люди другихъ. Если хотите, это черты корсиканской жизни, той жизни, въ которой еще очень замѣтны были слѣды родовыхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія Наполеонъ на тронѣ представляется намъ все-таки въ значительной степени корсиканскимъ дворяниномъ, въ которомъ родственныя обязанности сталкиваются иногда съ требованіями политики. Отношенія его къ матери рисуютъ его человѣкомъ, который, достигши высшихъ степеней славы и могущества не только

не цурается своей простой и необразованной матери; но, напротивъ, постоянно помнитъ, чѣмъ онъ ей обязанъ, и даже подъ вліяніемъ сыновней привязанности, преувеличиваетъ ея значеніе для себя. Все это такія черты, которыхъ не слѣдуетъ игнорировать, давая себѣ отчетъ о характерѣ Наполеона, и которыя характеризуютъ его не совсѣмъ какъ бездушнаго эгоиста, который видѣлъ только свое я и весь міръ считалъ своей добычей.

Посмотримъ теперь на его отношенія къ его двумъ женамъ—Жозефинѣ, и Маріи—Луизѣ.

Много мемуаристовъ, друзей и враговъ Наполеона, занималось разоблаченіемъ интимной жизни его отношеніями его къ женщинамъ. Враги его особенно занимались исторіей жизни его съ Жозефиной Богарнэ. Многіе утверждали, что главнымъ стимуломъ перваго брака былъ расчетъ; говорили, что какъ-бы приданнымъ за Жозефиною было мѣсто главнокомандующаго итальянской арміей. Но это извѣстіе опровергнуто честнымъ врагомъ Наполеона Ларевельеръ-Лепо. По его показанію Баррасъ не вліялъ на это назначеніе. Оно состоялось по представленію Карно. Послѣдній самъ подтверждаетъ это въ своихъ мемуарахъ. Онъ узналъ Наполеона и оцѣнилъ его талантъ по работамъ его въ комитетѣ общественнаго спасенія. Наконецъ, письма Наполеона къ Жозефинѣ въ первое время ихъ супружества свидѣтельствуютъ объ искреннемъ и пылкомъ чувствѣ, которое онъ питалъ къ ней. Съ дороги въ Италію, среди работъ и битвъ этой изумительной кампаніи, онъ часто пишетъ ей горячія письма: мысль его дѣлится между нею и военными дѣлами. Онъ настойчиво зоветъ ее пріѣхать скорѣе въ Италію и иногда увлекается до того, что говоритъ, что готовъ все бросить и скакать къ ней. Она откладываетъ свой отъѣздъ подъ разными предлогами и, наконецъ, ссылается на нездоровье. Надо видѣть какъ это извѣстіе взволновало Наполеона. 15-го Іюня 1796 года, среди заботъ и трудовъ громадныхъ, онъ шлетъ къ ней курьера, съ приказомъ вернуться сейчасъ съ вѣстью отъ нея, и пишетъ такое характерное письмо: „Моя жизнь настоящій кошмаръ. Ужасное предчувствіе не даетъ мнѣ

вздохнуть свободно. Я не живу болѣе; я потерялъ больше чѣмъ жизнь, болѣе чѣмъ счастіе, болѣе чѣмъ покой; я почти лишенъ надежды.... Напиши мнѣ 10 страницъ, это одно можетъ меня утѣшить. Ты больна, ты меня любишь, я тебя огорчилъ, ты беременна, и я тебя не вижу! Я такъ виновенъ передъ тобою, что не знаю, какъ искупить свою вину. Прости мнѣ, мой дорогой другъ! Любовь къ тебѣ лишаетъ меня разсудка, я никогда не прійду въ себя.... Кто ухаживаетъ за тобою? Я предполагаю, что ты позвала Гортензію; я тысячу разъ больше люблю это милое дитя съ тѣхъ поръ какъ думаю, что она можетъ хоть немного утѣшить тебя. Что до меня, то для меня нѣтъ утѣшенія, нѣтъ покоя, нѣтъ надежды до тѣхъ поръ, пока не вернется курьеръ, котораго я тебѣ посылаю, и не получу твоего длиннаго письма, въ которомъ ты объяснишь мнѣ, чѣмъ ты больна и насколько серьезна твоя болѣзнь. Если она опасна, я тебя предупреждаю, я сейчасъ скачу въ Парижъ..... У меня нѣтъ ни сна, ни аппетита, ни интереса ни къ дружбѣ, ни къ славѣ, ни къ отечеству; ты, ты одна, и весь міръ не существуетъ для меня, какъ бы его и вовсе не было. Я цѣню почести, потому что ты ихъ цѣнишь; стремлюсь къ побѣдамъ, потому что это доставляетъ тебѣ удовольствіе; безъ этого я бы все бросилъ, чтобы кинуться къ твоимъ ногамъ. Мой милый другъ, скажи мнѣ, что ты убѣждена, что я люблю тебя превыше всего, что можно вообразить.... что ты вѣришь, что всѣ мои минуты посвящены тебѣ, что никогда не проходитъ часу, чтобы я не подумалъ о тебѣ.... что ты, ты вся, такая, какъ я тебя вижу, такая какъ ты есть, ты одна могла лишь нравиться и поглотить всѣ силы души моей; что ты заполонила ее всю, что нѣтъ въ сердцѣ моемъ уголка, котораго ты не видишь, нѣтъ мыслей, которыя бы не были подчинены тебѣ, что мои руки, мои силы, мой умъ—все для тебя; что моя душа въ твоемъ тѣлѣ, и что тотъ день, когда бы ты перемѣнилась или тотъ день, когда бы ты перестала существовать, былъ-бы днемъ моей смерти, что природа и земля хороши въ моихъ глазахъ только потому, что ты живешь на ней. Если ты не вѣришь этому, если ты не убѣждена и не

проникнута этимъ—это значитъ, что ты меня не любишь... Я увѣренъ въ твоей любви и гордъ ею. Тысячу разъ цѣлую твои очи и уста. Обожаемая женщина, какова твоя власть надо мною!.. Я боленъ твоею болѣзнью. У меня до сихъ поръ горячка. Не держи больше шести часовъ курьера, и чтобы онъ сейчасъ-же возвращался и принесъ-бы мнѣ письмо моей дорогой владычицы“.

Это письмо говоритъ за себя, и оно не единственное. Когда Жозефина пріѣхала въ Италію, письма къ ней чередовались съ извѣстіями о побѣдахъ. 24-го Ноября онъ пишетъ ей о побѣдѣ надъ Вурмзеромъ, а 27-го онъ уже прискакалъ въ Миланъ, чтобы видѣться съ нею. Но онъ не засталъ ея тамъ; она уѣхала въ Геную повеселиться.

Наполеонъ тотчасъ-же пишетъ ей туда письмо. Но когда оттуда вернулся курьеръ и не привезъ ни строчки отъ Жозефины, это кольнуло Наполеона. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ ей горячее письмо въ которомъ сквозитъ горькое чувство. „Будь счастлива; не упрекай меня ни въ чемъ, не интересуйся вѣрностью человѣка, который только и живетъ твоею жизнью, радуется твоими радостями и твоимъ счастьемъ. Когда я требую отъ тебя любви подобной моей, я не правъ: можно-ли желать, чтобы кружево было также тяжело, какъ золото? Когда я посвящаю тебѣ всѣ мои желанія, всѣ мои мысли, всѣ минуты моей жизни, я повинуюсь той власти, которую твои чары, твой характеръ и вся твоя личность взяли надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ. Я не правъ, потому что природа не дала мнѣ такой привлекательности, чтобы плѣнить тебя; но чего я заслуживаю съ твоей стороны, Жозефина, это нѣкотораго вниманія и уваженія, такъ какъ я тебя только люблю, и люблю до страсти.

Прощай, обожаемая женщина, прощай Жозефина! Пускай судьба сосредоточитъ въ моемъ сердцѣ всѣ горести и печали; но пусть она дастъ моей Жозефинѣ дни свѣтлые и счастливые. Кто заслуживаетъ ихъ болѣе ея? Когда ясно будетъ, что она болѣе любить не можетъ, я скрою мое страданіе и удовлетворюсь тѣмъ, чтобы быть ей полезнымъ и

годнымъ на что нибудь..... Я вскрываю письмо чтобы послать тебѣ поцѣлуй.

Ахъ, Жозефина! Жозефина!!!“

Сквозящее въ нѣкоторыхъ строкахъ опасеніе лишиться любви любимой женщины не было безосновательнымъ. Въ это время Жозефина заинтересовалась однимъ молодымъ гусарскимъ офицеромъ Ипполитомъ Шарлемъ, и благосклонно относилась къ его ухаживаніямъ. Наполеонъ, узналъ объ этомъ и отослалъ послѣдняго изъ арміи. По возвращеніи Жозефины изъ Генуи, ей не трудно было успокоить своего влюбленнаго и ревниваго мужа; но онъ не могъ не почувствовать холода въ ея сердцѣ—завѣса спала съ глазъ его, очарованіе исчезло. Это былъ сильный нравственный толчекъ въ жизни Наполеона, котораго нельзя не принимать въ расчетъ, наблюдая вскорѣ послѣ этого поворотъ въ его характерѣ, отмѣчаемый историками.

Мы видѣли какъ Парижъ и Аяччіо разсѣяли въ немъ иллюзіи демократа и корсиканскаго патріота. Теперь семейная жизнь его разбиваетъ его идеалъ домашняго счастья, заглушаетъ еще одну сторону его духовной жизни. Между тѣмъ неслыханныя побѣды поднимаютъ его сразу на такую высоту, съ которой открылись широкіе горизонты. Весьма возможно, что разочарованіе въ любви, испытанное Наполеономъ въ это время, дало толчекъ развитію его честолюбія. По мѣрѣ паденія другихъ интересовъ жизни, послѣднее занимаетъ въ умѣ его огромное мѣсто. Если справедливо мнѣніе, что впервые послѣ сраженія при Лоди, зароились въ его головѣ грандіозные планы будущаго величія, то отношенія къ Жозефинѣ—должны были играть не малую психологическую роль въ этомъ поворотѣ.

Недоразумѣніями въ Италіи не кончились невзгоды Наполеона въ семейной жизни. Когда онъ отправился въ Египетъ, ему пришлось разстаться съ Жозефиною на болѣе долгій срокъ. Эта разлука оказалась роковою. Она снова сблизилась съ Ипполитомъ Шарлемъ, и на этотъ разъ не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ смысла ихъ отношеній. Онъ поселился у нея въ Мальмезонѣ. Извѣстіе объ измѣнѣ

жены получено было Наполеономъ въ Египтѣ. По возвращеніи оттуда онъ потребовалъ развода; но теперь покрытый славою отдаленной экспедиціи, ставъ центромъ надеждъ и вниманія всѣхъ политическихъ партій, онъ представлялъ собою слишкомъ интереснаго мужа, чтобы съ нимъ легко было разстаться. Легкомысленное увлеченіе гусарскимъ офицеромъ не было такимъ сильнымъ чувствомъ, которому жертвуютъ выгодами такого завиднаго положенія и идутъ на открытый скандалъ. Жозефина стала искать прощенія. Съ помощью своихъ дѣтей, которыхъ Наполеонъ очень любилъ, она вымолила его. Совмѣстная жизнь возстановилась; но возстановилась-ли семейная жизнь? И да, и нѣтъ. Съ годами у Наполеона образовалось дружеское чувство къ Жозефинѣ; онъ былъ къ ней очень внимателенъ, заботился о ея покоѣ, но прежнее чувство изчезло. Въ послѣдующее время роли ихъ перемѣнились. Не онъ, а она, часто ревновала его и нельзя сказать, чтобы безосновательно, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нея свои уклоненія съ пути супружеской вѣрности. Какъ-бы то ни было, разводъ 1810 г., явившійся результатомъ политическаго расчета, не былъ расторженіемъ семейной жизни, а былъ лишь разъѣздомъ товарищей, сжившихся между собою. Тѣмъ не менѣе однако и въ такомъ видѣ этотъ актъ оказался не легкимъ для Наполеона. Въ день развода съ нимъ былъ сильный истерическій припадокъ. Разводясь съ Жозефиной, онъ старался возможно больше смягчить для нея тяжесть этого дѣла. Когда послѣ развода онъ уѣхалъ въ Тріанонъ, то въ теченіи первыхъ десяти дней онъ ей написалъ десять писемъ. Черезъ два дня послѣ развода, онъ былъ у нея въ Мальмезонѣ, а черезъ нѣкоторое время послѣ того, она была у него въ Тріанонѣ, обѣдала тамъ, и была такъ весела, что по свидѣтельству очевидца нельзя было и подумать, что они развелись. Всѣ факты жизни Наполеона съ Жозефиной свидѣтельствуютъ, что отношенія его къ ней, были отношеніями человѣка увлекшагося до самозабвенія, а затѣмъ, когда повязка спала съ глазъ, эти отношенія стали такими, что въ нихъ видѣнъ былъ человѣкъ, заботившійся о спокойствіи и счастіи своего товарища жизни. О какомъ-то

безсердечіи или способности безжалостно проглотить человѣка ради удовлетворенія своего честолюбія здѣсь и помину нѣтъ.

Отношенія къ Маріи Луизѣ не менѣе интересны для освѣщенія характера Наполеона. До выхода замужъ, Марія Луиза была очень предубѣждена противъ Наполеона. Она представляла его себѣ какимъ-то чудовищемъ, и была въ отчаяніи отъ затѣяннаго сватовства. Но потомъ, когда она стала съ нимъ лицемъ къ лицу, отношенія ея къ нему измѣнились. Рядъ писемъ Маріи-Луизы къ ея подругамъ Коллоредо и Кренневиль, начиная съ Мая 1810 г. и кончая 22 Іюня 1813 года, свидѣтельствуютъ, что она была довольна своимъ положеніемъ; не разъ въ этихъ письмахъ она называетъ себя счастливою. Она сообщаетъ о многихъ мелочахъ, въ которыхъ Наполеонъ проявлялъ свою заботливость объ ея спокойствіи, и свое желаніе доставить ей удовольствіе. Мемуары Меттерниха, который въ качествѣ посла интересовался судьбою австрійской принцессы, тоже свидѣтельствуютъ о томъ, что Наполеонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать жену счастливою, и что онъ былъ чрезвычайно внимателенъ и деликатенъ по отношенію къ ней. Интересенъ такой случай. Однажды графиня Монтебелло, состоявшая при Маріи-Луизѣ, во время прогулки по парку въ С.-Клу представила ей своего кузена. Наполеону не понравилось это, такъ какъ онъ опасался, что такимъ путемъ придворные будутъ черезъ императрицу искать милости для людей недостойныхъ ея покровительства. Онъ обратился къ Меттерниху съ просьбою, чтобы тотъ въ видѣ совѣта предостерегъ ее отъ такихъ знакомствъ. Когда же Меттернихъ удивился тому, почему императоръ самъ не скажетъ этого императрицѣ, то Наполеонъ объяснилъ ему, что онъ боится, что такое замѣчаніе съ его стороны можетъ быть понято ею, какъ проявленіе ревности или какъ желаніе стѣснить ея свободу, а онъ не хотѣлъ-бы этимъ огорчить ее. Прежде Марія-Луиза относилась со страхомъ къ Наполеону; теперь же она говорила Меттерниху, что „она не боится императора; но что ей кажется, что онъ ея боится“. Вышеприведенный случай объясняетъ эти слова. Въ противоположность расточительности и легкомыслію Жо-

зефины, Марія-Луиза отличалась склонностью къ экономіи и и солидностью. Эти черты характера внушили Наполеону къ ней такое уваженіе, которое, пожалуй, было преувеличено. Шапталь, свидѣтельство котораго безпристрастно, говоритъ: „Наполеонъ искренно уважалъ Марію-Луизу; онъ часто говаривалъ: „если-бы Франція знала достоинства этой женщины, она простерлась бы у ея ногъ.“ Когда у нихъ родился сынъ, то радость Наполеона была безмѣрна. Если тутъ и примѣшивалось политическое соображеніе, то отцовское чувство несомнѣнно было преобладающимъ. Все свое свободное время онъ посвящалъ сыну. Каждое утро онъ самъ его поилъ кофе, и ему видимо доставляло удовольствіе это маленькое дѣло. Ребенокъ еще болѣе привязалъ его къ Маріи-Луизѣ. Когда рушилось все, когда въ Фонтенбло онъ вынужденъ былъ подписать отреченіе, онъ думалъ о ней и надѣялся на скорое свиданіе съ нею. Онъ пишетъ ей: „Прощай моя добрая Луиза! Ты можешь расчитывать всегда на бодрость, спокойствіе и дружбу твоего мужа“. Съ о. Эльбы онъ призывалъ ее къ себѣ. Не получая отъ нея отвѣта и предполагая, что его письма не доходятъ до нея, онъ придумываетъ тысячи способовъ чтобы доставить ей свои письма и увидѣть ее и сына. Онъ даже обращался къ герцогу Тосканскому съ просьбою, чтобы тотъ помогъ ему доставить письма къ женѣ. Вее это было напрасно. Союзники не желали, чтобы Марія-Луиза отправлялась къ Наполеону, и приставили къ ней въ качествѣ наблюдателя и ментора австрійскаго графа Нейперга. Сначала она покорилась этому желанію, а потомъ и сама не захотѣла отправляться къ мужу. Она сошлась съ своимъ приставникомъ, за котораго и вышла замужъ послѣ смерти Наполеона. Такъ печально кончился второй бракъ Наполеона, заключенный по расчету, но въ которомъ онъ, казалось, нашелъ удовлетвореніе потребности имѣть свою семью, свой семейный очагъ, которая, какъ намъ кажется, въ немъ была очень сильна.

Перебирая въ памяти факты изъ отношеній Наполеона къ роднымъ, мы не видимъ въ немъ человѣка, котораго Тэнъ характеризуетъ съ голоса Г-жи Сталь такими словами: Онъ

никого не любилъ и не ненавидѣлъ; для него никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ его самого; остальныя существа это только цифры. Сила его воли заключается въ непоколебимости расчета его эгоизма; это искусный игрокъ, играющій партію со всѣмъ человѣчествомъ разомъ, которому онъ намѣревается дать шахъ и матъ.*). Это очень эффектная фраза, но невѣрная. Въ его отношеніяхъ къ роднымъ мы видимъ въ Наполеонѣ человѣка съ сильно развитымъ родственнымъ чувствомъ, способнымъ не только заботиться о своихъ родныхъ, но и поступаться для нихъ своими интересами. Будучи юношею, онъ уже сознаетъ себя главою семьи и не столько съ точки зрѣнія своихъ правъ, сколько съ точки зрѣнія своихъ обязанностей. Это чувство долга по отношенію къ семьѣ въ немъ очень сильно. Отношенія къ матери и Людовику въ этомъ отношеніи очень убѣдительны. Его отношенія къ женамъ тоже не доказываютъ его эгоизма. Если его отношенія къ роднымъ портились, то отчасти они были въ этомъ сами виноваты, отчасти виною была политика, а отчасти властолюбіе Наполеона. Онъ не любилъ сопротивленія; исполняя свои обязанности по отношенію къ братьямъ и сестрамъ, онъ требовалъ отъ нихъ подчиненія себѣ, какъ главѣ семьи, требовалъ непреклонно и рѣзко, онъ не умѣлъ довольствоваться половиной,—а это вызывало неудовольствія и портило отношенія. Въ послѣднемъ счетѣ все же онъ рисуется въ этихъ отношеніяхъ порядочнымъ человѣкомъ, способнымъ вызвать симпатію.

Посмотримъ теперь на отношенія Наполеона къ близкимъ людямъ, стоящимъ за предѣлами семьи. Довольно обычно такое явленіе, что люди, быстро возвысившіеся, стараются порвать съ своимъ прошлымъ, прекращаютъ былыя личныя отношенія и стараются и другихъ заставить забыть о томъ, что они были когда то самыми простыми смертными. Мы не видимъ у Наполеона этихъ вульгарныхъ замашекъ выскочки. Когда онъ былъ уже императоромъ, то по тому или дру-

*) Taine. Regime Moderne p. 18.

гому случаю онъ нерѣдко вспоминалъ то время, когда онъ былъ поручикомъ. Ставъ первымъ консуломъ, при встрѣчѣ съ старыми знакомыми, онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ съ ними про былую жизнь въ Валансѣ и съ интересомъ разспрашивалъ про житье-бытье тамошнихъ знакомыхъ. Тамъ въ Валансѣ онъ былъ хорошъ съ однимъ товарищемъ по полку д' Едувилемъ (d'Héduville), хотя они и не сходились въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Когда Наполеонъ сталъ императоромъ онъ черезъ брата уговорилъ его вернуться изъ эмиграціи. Когда тотъ пріѣхалъ, онъ встрѣтилъ его очень дружески и представляя его своимъ придворнымъ, сказалъ: „вотъ одинъ изъ старыхъ моихъ товарищей, съ которымъ мы поломали много копій на Площади Клерковъ въ въ Валансѣ по поводу конституціи 1791 года.

Во время жизни въ Валансѣ онъ былъ хорошо принятъ въ семьѣ Коломбье. Впослѣдствіи въ Августѣ 1804 года во время пребыванія въ Булони онъ получилъ письмо отъ Г-жи Бресье, урожденной Коломбье, въ которомъ она просила его о своемъ братѣ, служившемъ въ арміи. Вотъ что онъ отвѣчаетъ на это письмо. „Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Воспоминанія объ Вашей матушкѣ и объ Васъ мнѣ всегда были пріятны. Я воспользуюсь первымъ случаемъ, чтобы быть полезнымъ вашему брату. Изъ вашего письма я вижу, что вы живете около Ліона; я могу поэтому упрекнуть васъ за то, что вы не пріѣхали туда, когда я былъ тамъ, такъ какъ мнѣ доставило-бы большое удовольствіе повидать васъ. Будьте увѣрены въ искреннемъ желаніи быть вамъ пріятнымъ.“ Такъ-же сохраняются у него отношенія къ семьѣ Пермонъ, съ которою онъ былъ знакомъ еще во время своего пребыванія въ Военной Школѣ въ Парижѣ. Одна изъ дѣвицъ Пермонъ была замужемъ за маршаломъ Жюно и извѣстна какъ авторъ многотомныхъ „Мемуаровъ Герцогини д'Абрантесъ“, переведенныхъ на русскій языкъ. Когда Наполеонъ былъ въ Бріенской школѣ семья де Бріеннъ оказывала ему симпатіи. Они его брали къ себѣ въ замокъ и доставляли ребенку большое удовольствіе, давая ему лошадей кататься верхомъ по окрестностямъ. Шам-

таль пишетъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ: „Бонапартъ говаривалъ объ этомъ часто и съ живѣйшею признательностью, такъ-же какъ и о добротѣ къ нему Г. де Марбефъ въ Корсикѣ. Въ теченіи своего царствованія онъ настойчиво разыскивалъ всѣхъ членовъ этихъ двухъ семействъ и оказывалъ имъ уваженіе и расположеніе.“

Чувство благодарности, которое обнаруживается въ этомъ случаѣ, было видною чертою характера Наполеона. Онъ не забывалъ услугъ когда либо ему оказанныхъ. Одинъ изъ бріенскихъ учителей о. Шарль, который къ нему относился очень хорошо, жилъ впослѣдствіи въ Долѣ. Наполеонъ никогда не упускалъ случая навѣстить его, когда бывалъ по близости. Будучи назначенъ главнокомандующимъ италіанскою арміею, онъ проѣзжалъ чрезъ Доль ночью. Во время перепряжки лошадей, онъ послалъ къ о. Шарлю съ просьбой придти на станцію повидаться съ нимъ. Другого своего учителя о. Дюпюи онъ устроилъ библіотекаремъ въ Мальмэзонѣ. Онъ умеръ въ 1807 году, когда Наполеонъ былъ въ походѣ. Онъ пишетъ поэтому поводу Жозефинѣ: „Напиши мнѣ о смерти этого бѣдняги Дюпюи. Скажи его брату, что я хочу ему сдѣлать какое либо добро“. Его учитель чистописанія старикъ явился къ нему въ С. Клу. Наполеонъ принялъ его очень ласково, и шутя сказалъ ему: „Le beau foutre élève que vous aver fait la! Je vous en fait mon compliment“ (Порядочнаго болвана ученика Вы воспитали! Поздравляю Васъ). Извѣстно, что онъ обладалъ прескверньмъ почеркомъ. Неудачный ученикъ обезпечилъ своего стараго преподавателя. Позднѣе другой преподаватель, хотя и случайный, обратился къ щедрости Наполеона. Когда Наполеонъ служилъ въ Валансѣ и бывалъ по вечерамъ у Коломбье, то, ради успѣха у барышень, онъ началъ учиться танцамъ. Учителемъ его былъ нѣкто Дотель. Теперь (1808 г.), впавъ въ бѣдность, онъ обратился за помощью къ своему бывшему ученику и въ своемъ письмѣ выразился такимъ образомъ: Sire, celui qui vous a fait faire le premier pas dans le monde se recommande à votre générosité“. (Государь! Тотъ, кто руководилъ первыми Вашими шагами въ свѣтѣ, поручаетъ себя Вашему великодушію).

Наполеонъ устроилъ ему мѣсто, обезпечившее его старость. Онъ незабылъ того жандарма, который его сторожилъ во время его ареста послѣ 9 Термидора и былъ добръ къ нему. Онъ вызвалъ его и далъ ему мѣсто при дворѣ въ 4000 фр., которымъ тотъ пользовался въ теченіи всего его царствованія.

Если Наполеонъ хорошо помнилъ услуги, ему оказанныя, то съ другой стороны не забывалъ и людей, сдѣлавшихъ ему непріятность. Однажды во время загороднаго товарищескаго пикника въ Валансѣ завязался споръ между Наполеономъ, отличавшимся тогда демократическими идеями, и капитаномъ артиллеріи, его ротнымъ командиромъ, аристократомъ. Ихъ застала гроза. Наполеонъ пошелъ пѣшкомъ въ Валансъ; нѣсколько время спустя проѣхалъ его капитанъ одинъ въ кабріолетѣ и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ Наполеона, поливаемаго дождемъ. Онъ никогда не могъ забыть этого нарушенія требованій любезности и всегда противился его повышенію, говоря: „у него дурное сердце“.

Въ другой разъ, встрѣтивъ въ Компьенѣ директора школы Лебретона, котораго онъ зналъ съ дурной стороны еще въ Бріеннѣ, онъ не могъ удержаться отъ выраженія своего неудовольствія и потребовалъ отъ Шапталя, чтобы онъ перевелъ его на другое мѣсто, гдѣ бы его жесткость не отзывалась на дѣтяхъ. Потомъ онъ разсказалъ ему, какъ Лебретонъ донималъ ихъ въ Бріени своею суровостью. Въ отношеніяхъ къ окружающимъ надо различать два различныхъ момента: Наполеона—консула и Наполеона—императора. Будучи консуломъ, онъ не отдалялся отъ людей, былъ простъ въ обращеніи и не старался держать въ страхѣ всѣхъ окружающихъ. Въ эту эпоху, говоритъ Шапталь, онъ былъ доступенъ для всѣхъ. Онъ показывался открыто; онъ приглашалъ къ себѣ къ обѣду почти всѣхъ лицъ, которыя посѣщали его. Такъ какъ онъ любилъ бесѣдовать, то было мало предметовъ, о которыхъ бы онъ не спорилъ и не высказывалъ своего мнѣнія. Часто его знакомые проводили у него на дачѣ въ Мальмэзонѣ цѣлые дни, и время уходило на прогулки, игры и разговоры. Первый консулъ, какъ и теперь многіе французы средняго круга, не стѣснялся отдаваться за-

бавамъ, которыя у насъ, у русскихъ считаются свойственными только дѣтскому возрасту и признаются почему-то неприличными для взрослыхъ. Такъ, иногда послѣ обѣда Бонапартъ, Лористонъ, Дидло, Бурьенъ, Евгеній Богарне, Жозефина Бонапартъ и Гортензія Богарне, играли въ бары, причемъ играющіе раздѣлялись по правиламъ игры на два лагеря и должны были ловить и брать въ плѣнъ другъ друга. Вспоминая про эти игры, Констанъ говоритъ, что самыми быстроногими были Евгеній и Гортензія, а наименѣе ловкимъ генералъ Бонапартъ; онъ часто спотыкался и падалъ; но тотчасъ вскакивалъ и хохоталъ во все горло. Впослѣдствіи такія игры бывали очень рѣдко, хотя, кажется, не изчезли совсѣмъ. Въ 1806 году Наполеонъ писалъ Евгенію Богарне: „Я провелъ два дня у маршала Бессіера; мы играли какъ пятнадцатилѣтніе ребята“.

Когда Наполеонъ сталъ императоромъ, его отношенія къ окружающимъ мало по малу значительно измѣнились. Онъ пересталъ быть общительнымъ и доступнымъ на аудіенціяхъ, говорилъ мало и рѣзко и старался повидимому держать въ страхѣ всѣхъ, кто приближался къ нему. Простота отношеній сохранилась лишь по отношенію къ немногимъ людямъ; вообще же пріемы въ Тюльери отличались церемонностью и невыразимою натянутостью. Изъ показаній такихъ безпристрастныхъ свидѣтелей, какъ Шапталь, которые къ тому-же были выгодно поставлены въ смыслѣ возможности многое видѣть и знать, оказывается, что характеръ Наполеона къ сорока годамъ его жизни измѣнился; по всей вѣроятности однако указанное измѣненіе отношеній къ людямъ зависѣло не только отъ измѣненія характера вслѣдствіе возраста, но и отъ измѣненія положенія: отъ нахожденія на такой необычной высотѣ, на которой голова кружится. Такъ какъ къ тому же изъ своихъ юношескихъ впечатлѣній Наполеонъ вынесъ разочарованіе въ общественныхъ стремленіяхъ и людяхъ, то вмѣстѣ съ возрастомъ и измѣненіемъ положенія у него развилось презрѣніе къ людямъ, которое и отразилось на его отношеніяхъ къ нимъ.

Самъ онъ объяснялъ свои отношенія къ сановникамъ и генераламъ сознательно принятою системою. Разговаривая однажды съ Шапталемъ о своемъ образѣ жизни въ качествѣ государя, онъ замѣтилъ: я не могу вести такой беззаботной и распущенной жизни какъ законные короли... Нѣтъ генерала, который не призналъ-бы за собою такихъ же правъ, какъ мои; нѣтъ вліятельнаго человѣка, который не полагалъ-бы что онъ намѣтилъ мой путь 18 брюмера. Я долженъ быть поэтому очень строгъ съ этими людьми. Если я съ ними буду брататься, они скоро раздѣлятъ мою власть и государственную казну.*). Въ другомъ мѣстѣ Шапталь передаетъ слова, сказанныя ему Наполеономъ въ 1808 году. Онъ говорилъ, что какъ только онъ достигъ власти, такъ сейчасъ явились претензіи генераловъ. „Массена, Моро, Бернадотъ не могли мнѣ простить моихъ успѣховъ. Я долженъ былъ не бояться ихъ, а подчинить ихъ. Они нѣсколько разъ пытались свалить меня или раздѣлить со мною власть. Такъ какъ раздѣлъ былъ менѣе рискованъ, то 12 генераловъ составили планъ раздѣлить Францію на 12 провинцій, причемъ мнѣ великодушно предоставляли Парижъ съ его округомъ. Договоръ былъ подписанъ въ Рюелѣ; Массена долженъ былъ представить его мнѣ. Онъ отказался, сказавъ, что онъ выйдетъ послѣ того изъ Тюльери только для того, чтобы быть разстрѣленнымъ во дворѣ гвардіей. Онъ зналъ меня хорошо... Боязнь, надежда на богатство и милости, только это должно было связывать ихъ со мною. Я былъ щедръ въ томъ и другомъ. Я сдѣлалъ куртизановъ, я никогда не претендовалъ дѣлать себѣ друзей“ **). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности приводимаго Наполеономъ факта, мы замѣтимъ, что систему страха и возбужденія алчности, онъ призналъ какъ необходимую правительственную систему. Его объявленіе этой системы мы не можемъ игнорировать совершенно. Заговоры противъ него были, попытки стать на его мѣсто тоже бывали, если его братья смотрѣли на него какъ на узурпатора

*) Chaptal. p. 218.
**) Chaptal. p. 250.

общаго наслѣдства, то генералы еще съ большимъ правомъ могли считать себя его сонаслѣдниками. Все это такъ; но объясненіе Наполеона не объясняетъ того факта, что его отношенія къ окружающимъ во время консульства были иными, хотя условія были тѣ-же. Онъ не видитъ, что онъ самъ измѣнился, и что отъ этого въ значительной степени сложились другія отношенія его къ сановникамъ и генераламъ.

Какъ бы то ни было однако, нельзя не видѣть, что система страха съ одной стороны и возбужденія алчности съ другой не могли стать прочной основой наполеоновскаго режима. Люди, служащіе въ силу страха и жадности, плохая опора. Пока положеніе господина прочно, они служатъ; какъ только оно начинаетъ пошатываться, начинаются измѣна и дезертирство. Какъ только его сановники почувствовали, что положеніе его шатко, они по одному стали оставлять его. Вспомнимъ его брата Іосифа, Мюрата, Массену, Талейрана, Сульта, Бернадотта и другихъ. По поводу этой системы Тэнъ справедливо говоритъ: „отъ того что Наполеонъ ввелъ, какъ главный двигатель, какъ всеобщую пружину, потребность выскочить, необузданную конкурренцію, беззастѣнчивое честолюбіе, словомъ совершенно грубый эгоизмъ,—и на первомъ планѣ свой собственный,—эта пружина, натянувшись до крайности, попортила и потомъ разрушила всю машину.*).

Говоря объ измѣненіяхъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, происшедшихъ въ то время, какъ Наполеонъ сталъ императоромъ, не слѣдуетъ забывать, что у него сохранились однако прежнія дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его генераловъ. Таковы были отношенія къ Дюроку, Ланну и Дезе, погибшему, впрочемъ, еще до того какъ Наполеонъ сталъ императоромъ. Ланнъ до конца жизни оставался съ нимъ на ты. Хотя Наполеонъ и говорилъ Шапталю, что онъ не претендуетъ дѣлать себѣ друзей; но въ разговорѣ съ Жирарденомъ онъ признавался, какъ дорога дружба, особенно, когда человѣка постигаетъ несчастье. „Когда дѣла идутъ

---

*) Taine, Regime Moderne p. 351.

плохо, говоритъ онъ, когда мы подавлены ихъ тяжестью, тогда становятся необходимыми изліянія сердца; они становятся рѣшительною потребностью; но куда сложить тайны сердца, когда, озираясь кругомъ, не увѣренъ встрѣтить взоры друга.*). Такъ какъ такихъ людей около Наполеона было не много, то потеря ихъ была особенно тяжела. Гибель Дезэ и Дюрока повергли его въ большое горе, котораго онъ не могъ скрыть. Но потеря Ланна была для него особенно тяжка.

Если въ чемъ Наполеонъ остался неизмѣннымъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, это въ строгости. Какъ увидимъ далѣе, онъ былъ очень строгъ въ выполненіи своихъ обязанностей; мало встрѣчается государственныхъ дѣятелей, которые бы столько работали и такъ работали, какъ онъ. За то и къ уклоненіямъ отъ своего долга со стороны другихъ, онъ относился чрезвычайно строго, не обращая вниманія на рангъ провинившагося. Въ 1797 году онъ шлетъ такой приказъ генералу Деспинуа: „Генералъ! Ваше командованіе въ Ломбардіи хорошо познакомило меня съ недостаткомъ у васъ честности и съ вашей жадностью къ деньгамъ; но я не зналъ, что вы еще и трусъ. Оставьте армію и не показывайтесь мнѣ на глаза“.

Въ 1798 году въ Египтѣ солдаты украли въ саду финики. Поэтому поводу Наполеонъ издаетъ такой приказъ: „Они будутъ два раза въ день проведены по лагерю по фронту, въ вывороченныхъ на изнанку мундирахъ, съ вѣтками финиковъ въ рукахъ и съ надписями на груди: „мародеръ“. Докторъ Войе тамъ-же отказался помочь раненнымъ, у которыхъ предполагалась заразительная болѣзнь. Поэтому случаю состоялся приказъ такого содержанія: „онъ недостоинъ званія французскаго гражданина. Одѣть его женщиною и провезти на ослѣ по улицамъ Александріи съ надписью на спинѣ: „недостоинъ быть французскимъ гражданиномъ, онъ боится смерти“. Генералъ Гувьонъ де Сенъ-Сиръ, отрѣшенный отъ командованія въ Неаполѣ, разсудилъ, что онъ можетъ уѣхать

*) Levy, Napoleon Intimè p. 355.

оттуда, не испрашивая разрѣшенія. Когда на его мѣсто прислали туда генерала Периньона, онъ отправился въ Парижъ и явился къ Наполеону. Между ними произошла такая сцена.

Наполеонъ. Генералъ, Вы прибыли изъ Неаполя?

Генералъ. Да государь; я сдалъ командованіе генералу Периньону, котораго Вы прислали на мое мѣсто.

Наполеонъ. Вы, конечно, получили разрѣшеніе военнаго министра?

Генералъ. Нѣтъ, Государь; но мнѣ нечего было дѣлать въ Неаполѣ.

Наполеонъ. Если черезъ два часа Вы не будете на пути въ Неаполь, то до полудня Вы будете разстрѣляны въ Гренельской долинѣ.*).

Въ 1810 году, послѣ сраженія при Ваграмѣ Бернадоттъ получилъ выговоръ въ императорскомъ приказѣ по арміи за нерадѣніе и обманъ и былъ лишенъ команды. Строгость Наполеона, особенно въ арміи, была всегда справедлива и этимъ между прочимъ объясняется его популярность между солдатами.

Въ приведенныхъ приказахъ сквозитъ кромѣ строгости еще та рѣзкость, которая не разъ приводила въ трепетъ людей, приходившихъ въ столкновеніе съ Наполеономъ и имѣвшихъ несчастіе навлечь на себя его гнѣвъ. По первоначальному воспитанію онъ былъ человѣкомъ грубымъ. Этотъ недостатокъ воспитанія сказывался, когда онъ забывался или, вѣрнѣе говоря, не слѣдилъ за собою. Относительно этой черты Шапталь высказываетъ такое мнѣніе: „вообще Наполеонъ имѣлъ тонъ плохо воспитаннаго поручика, и съ перваго взгляда ничто не указывало въ немъ ни ума, ни малѣйшаго знанія свѣта. Я видѣлъ на его вечерахъ „за просто“, какъ онъ выходилъ изъ своего кабинета, насвистывая какой нибудь мотивъ, подходилъ къ дамамъ, не прерывая своей пѣсеньки, и возвращался обратно, напѣвая какой либо итальянскій мотивъ.**). Высказывая это сужденіе, Шапталь при-

*) Chaptal, Memoires. p. 251.
**) Ibidem. 322.

помнаетъ такой случай. На праздникѣ въ Городской Думѣ Наполеонъ между прочимъ подошелъ къ одной дамѣ. Когда она назвала свою фамилію, то онъ воскликнулъ: „ахъ, Боже мой, а мнѣ говорили, что Вы хорошенькая!“ Каково положеніе дамы!

Но это еще ничего сравнительно съ тѣми сценами, которыя происходили, когда Наполеонъ выходилъ изъ себя. Онъ былъ человѣкъ очень нервный и вспыльчивый. Нервозность его выражалась и въ его неспособности долго сидѣть за столомъ, и въ ничтожномъ времени, которое онъ удѣлялъ сну (особенно въ молодые годы) и въ томъ, напримѣръ, что онъ во время засѣданій изрѣзывалъ перочиннымъ ножикомъ всю ручку кресла. Приходилось часто отдавать въ починку кресло, на которомъ возсѣдалъ первый консулъ. Эта же нервозность выражалалась и въ большой вспыльчивости. При встрѣчѣ съ сопротивленіемъ или съ какою либо мерзостью онъ легко раздражался и выходилъ изъ себя. Въ такія минуты гнѣва или, какъ выражатся Пакье, (Pasquier) des grandes colères“ Наполеонъ былъ очень грубъ и не скупился на ругательства. Мы не будемъ говорить о сценѣ съ Вольнеемъ, которая, кажется, въ дѣйствительности не происходила;*) остаются однако другія, которыя несомнѣнно происходили. Такова сцена съ Талейраномъ. Когда Наполеонъ узналъ объ интригахъ послѣдняго (во время Эрфуртскаго свиданія), которыя можно назвать государственной измѣной, то онъна публичномъ пріемѣ обратился къ нему съ такими словами: Вы воръ, подлецъ, Вы человѣкъ безъ вѣры! Вы въ Бога не вѣрите. Вы всю вашу жизнь нарушали ваши обязанности, вы обма-

*) Тэнъ передаетъ эту сцену такимъ образомъ: Наполеонъ сказалъ Вольнею: «Франція желаетъ католицизма». «Нѣтъ, она желаетъ Бурбоновъ». Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Наполеонъ далъ ему такой ударъ ногой въ животъ, что онъ повалился навзничъ безъ чувствъ. Леви говоритъ, что весь этотъ разсказъ Тэна взятъ у С. Бёва, послѣдній взялъ его у Бодена, а этотъ говоритъ, что слыщалъ его отъ девяностолѣтняго старика Бекара. Между тѣмъ этому воспоминанію дряхлаго старика противорѣчитъ то, что послѣ того Вольней продолжалъ быть сенаторомъ, потомъ ему данъ былъ гербъ и пожаловано имѣніе. Levy. Napoleon intime p. 346.

нывали весь міръ и измѣнялн всѣмъ; для васъ нѣтъ ничего святаго, вы продадите отца родного.*).

Въ этомъ же родѣ была сцена съ Порталисомъ въ государственномъ совѣтѣ, хотя послѣдній и далеко не былъ такъ виноватъ, какъ это казалось Наполеону. Наконецъ нельзя не упомянуть извѣстную сцену въ Кампо-Формію, когда Наполеонъ разбилъ сервизъ, вспыливъ во время переговоровъ.

Если-бы судить объ обращеніи Наполеона съ людьми по этимъ сценамъ, то сужденіе это было-бы несовсѣмъ вѣрно. У насъ есть отзывы людей, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи и которые однако говорятъ о пріятномъ впечатлѣніи, выносимомъ изъ личныхъ сношеній съ нимъ. Напримѣръ: Пакье, который имѣлъ съ нимъ почти ежедневныя сношенія, говоритъ такъ: „я не былъ близокъ съ Наполеономъ, но за то я никогда не выслушивалъ ни одной изъ его выходокъ, и ни одного изъ его выраженій малолюбезныхъ, на которыя онъ не скупился по отношенію къ людямъ, пользовавшимся его фамильярностью.**).

Выходитъ, что грубость Наполеона имѣла въ своемъ примѣненіи извѣстный кругъ людей. Г-жа Рекамье говоритъ, что ее поразило при свиданіи съ Наполеономъ мягкое выраженіе его лица, отличное отъ того, которое она видѣла прежде, и простота его манеры, очень отличная отъ театральности его брата Люціана. Шатобріанъ такъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Наполеономъ: „Его улыбка была ласкова и красива; его взглядъ прекрасенъ. У него не было ничего шарлатанскаго во взглядѣ, ничего театральнаго. Бонапартъ обратился ко мнѣ просто, безъ всякихъ комплиментовъ, безъ праздныхъ вопросовъ. Онъ заговорилъ со мною сразу, какъ будто я былъ его близкимъ знакомымъ“. Нѣмецкій ученый Іоганъ Мюллеръ передаетъ о своемъ свиданіи съ Наполеономъ слѣдующее: „Я возражалъ

*) Pasquier. Histoire de mon temps t. I стр. 358.
**) Pasquier, Hist. de mon temps I p. 428.

ему, онъ началъ спорить. Я долженъ сказать безпристрастно и такъ-же искренно, какъ передъ Богомъ, что разнообразіе его познаній, тонкость замѣчаній, вѣрность и широта взгляда равно какъ и манера, съ которою онъ говорилъ со мною, преисполнили меня восторга и любви". Мэтлендъ, капитанъ англійскаго корабля Белерофонъ, на которомъ Наполеонъ очутился въ качествѣ плѣнника послѣ отреченія, говоритъ, что хотя ему, какъ англійскому офицеру, неудобно хвалить злѣйшаго врага своей страны, но этотъ человѣкъ въ такой степени обладалъ даромъ нравиться, что не найдется человѣка, который бы какъ я, садясь съ нимъ за столъ болѣе мѣсяца, не проникнулся къ нему сочувствіемъ, видя что человѣкъ, обладающій такими обворожительными качествами, доведенъ до такого положенія, въ которомъ я его видѣлъ. Австрійскій посолъ Меттернихъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Бесѣда съ Наполеономъ всегда имѣла для меня необъяснимую прелесть.....; онъ слушалъ замѣчанія и возраженія, которыя ему дѣлали, непокидая ни тона, ни сдержанности дѣловаго разговора, и я никогда не встрѣчалъ ни малѣйшаго затрудненія высказать ему то, что я считалъ правдою даже тогда, когда послѣдняя могла быть и непріятна ему".

Министръ финансовъ Мольенъ говоритъ, что Наполеонъ „доводилъ до крайности терпѣніе все выслушивать. Въ частныхъ разговорахъ, которые онъ велъ со мною, я часто встрѣчалъ ту простоту, то терпѣніе, которыя обворожили меня во время перваго свиданія".

Пакье, который, какъ мы видѣли, признаетъ грубость обращенія Наполеона съ людьми, съ которыми онъ былъ фамильяренъ, говоритъ про него: „я долженъ отдать ему справедливость; онъ не отвергалъ моихъ мнѣній съ неудовольствіемъ, и, кажется, былъ даже доволенъ твердостью ихъ".*).

*) Pasquier. Hist. de mon temps I стр. 108. Показанія Рекамье, Шатобріана, Іоганна Мюллера, Мэтленда, Метерниха и Молльена заимствованы изъ книги Леви „Napoleon Intime стр. 352, 353," 356.

Эти очень благопріятные отзывы объ обращеніи Наполеона не противорѣчатъ ни отзыву Шапталя о его невоспитанности, ни тѣмъ фактамъ его грубости, которые упомянуты выше. Въ самомъ дѣлѣ; эти отзывы указываютъ, что Наполеонъ могъ обворожить людей своимъ умомъ и простотою обращенія, что онъ терпѣливо выслушивалъ возраженія и т. д. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ былъ человѣкомъ слишкомъ талантливымъ и всѣмъ интересующимся, чтобы бесѣда съ нимъ не была занимательна и пріятна. Въ разговорѣ съ этими людьми ему не было повода выходить изъ себя; а кому же неизвѣстно, что люди грубые по существу и плохо воспитанные бываютъ очень вѣжливы въ гостинной и въ тоже время „за измятое жабо дуютъ въ усъ и въ рыло“ свою прислугу. Имѣя въ виду показанія Шапталя и Пакье и приведенные несомнѣнные факты, слѣдуетъ прійдти къ выводу, что по существу Наполеонъ дѣйствительно былъ грубъ, но что эта черта проявлялась у него въ обращеніи съ людьми не при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, какъ это можно было-бы думать, читая Тэна. Мнѣ кажется, однако, что слѣдуетъ при оцѣнкѣ такъ называемой воспитанности Наполеона, помнить время и условія, въ которыхъ онъ жилъ. Общество, вертѣвшееся около двора, великосвѣтское общество, составлявшее блескъ салоновъ, словомъ то общество, которое выработало изящныя манеры, изысканную до приторности рѣчь, вызывавшую насмѣшки даже въ свое время, это общество почти цѣликомъ покинуло Францію во время революціи, да оно и не было колыбелью—Наполеона. На мѣсто его явилась другая Франція, менѣе воспитанная, болѣе грубая, но за то болѣе сильная, талантливая и энергичная. Если мы вспомнимъ манеры и языкъ вожаковъ революціи,—конечно не ставя ихъ образцомъ, языкъ „Père Duchesne“,—то найдемъ, что Наполеонъ былъ сыномъ этой Франціи и пожалуй, еще менѣе грубымъ, чѣмъ другіе его сверстники. Его грубость не могла не поражать людей стараго „общества“, какими были Шапталь и Пакье, его простота опять таки не могла не поражать людей того времени, въ особенности, когда они видѣли эту простоту на высотѣ

трона. Они слишкомъ привыкли къ напыщенной важности, къ ужимкамъ въ рѣчи и манерахъ, чтобы не поражаться простотою. Прибавимъ въ заключеніе, что самъ Шапталь, отмѣчающій невоспитанность Наполеона, говоритъ, что онъ былъ лучше, чѣмъ казалось съ перваго взгляда, „Лица, которые не были близки къ Наполеону, говоритъ онъ, и которые видѣли его лишь нѣсколько минутъ, могутъ судить о немъ только неблагопріятно; съ перваго раза его пріемъ былъ холоденъ и его слова были незначительны или не вѣжливы“.*). Но Наполеонъ и въ этомъ отношеніи не остался неизмѣннымъ. Какъ онъ многому учился, когда сталъ во главѣ Франціи, такъ учился онъ и обращенію, и оказывается, что учителемъ его въ этомъ отношеніи былъ тотъ самый Талейранъ, на которомъ онъ показалъ свою грубость. Съ своими талантами Талейранъ соединялъ изящныя манеры придворнаго стараго вельможи, и онъ много содѣйствовалъ тому, что его господинъ не замедлилъ войти во вкусъ этихъ манеръ“.**). Но воспитаться взрослому труднѣе, чѣмъ пріобрѣсти знанія.

До сихъ поръ мы говорили о характерѣ Наполеона по его отраженію въ отношеніяхъ къ лицамъ тѣхъ или иныхъ категорій. Теперь обратимся къ тѣмъ чертамъ его, которыя имѣли болѣе общее значеніе, которыми этотъ характеръ обрисовывается безотносительно тѣхъ или другихъ связей. Глядя на Наполеона съ этой точки зрѣнія, Тэнъ говоритъ, что тщетно стали-бы мы искать въ ближайшее къ намъ время такую крупную фигуру, съ которой могли-бы сравнить Наполеона. Нравственный обликъ послѣдняго такъ колоссаленъ,

---

*) Chaptal. Memoires p. 321.

**) Pasquier, Histoire de mon temps t I p. 244. Интересно сравнить это показаніе съ тѣмъ, что говоритъ Тэнъ, на стр. 93 своего сочиненія о Наполеонѣ (Regime Moderne). Онъ говоритъ, что въ разговорѣ съ Талейраномъ онъ высказался, что „приличія это изобрѣтеніе дураковъ для того, чтобы походить на умныхъ людей (pour serapprocher à peu près de gens desprit); это родъ общественнаго кляпа, который стѣсняетъ сильнаго и служитъ службу только посредственности. А хорошій тонъ! Вотъ еще одно изъ классическихъ словечекъ, которыхъ я недопускаю“. „Это вашъ личный врагъ, отвѣтилъ Талейранъ, онъ бы давно не существовалъ, если-бы вы могли отъ него отдѣлаться пушками“.

что мы должны идти до героевъ Плутарха, чтобы найти что либо подходящее для сравненія. Сообразно этому и отдѣльныя черты этой личности не укладываются въ наши обычныя мѣрки. Ея достоинства и недостатки представляются какъ бы въ преувеличенномъ видѣ.

Выдающимися чертами характера Наполеона были властолюбіе и честолюбіе. Властолюбіе его было такъ громадно, что оно не ограничивалось подчиненіемъ лицъ окружающихъ, ни даже подчиненіемъ Франціи; по мѣрѣ расширенія подчиняемаго круга росло и самое чувство, пока не дошло до мечты о монархіи Карла Великаго, а потомъ уже и до фантазіи о всемірной монархіи. Несмотря на положительныя свойства своего ума, Наполеонъ не чуждъ былъ фантазерства, которое способно было сильно увлекать его. Воспоминанія о Карлѣ Великомъ и мечты объ Александрѣ Великомъ съ его идеями всемірной монархіи способны были увлекать его до того, что переставали для него быть пріятными мечтами, и мысль о походѣ въ Индію становилась для него дѣломъ практически осуществимымъ.*).

Честолюбіе Наполеона тоже было огромно. Оно было его такъ сказать всепоглощающею страстью. „Уменя нѣтъ честолюбія, говорилъ онъ Редереру, или, если оно у меня есть, то оно до такой степени присуще моей природѣ, до такой степени врождено мнѣ, такъ связано съ моимъ существованіемъ, какъ кровь, текущая въ моихъ жилахъ, какъ воздухъ, которымъ я дышу.**). При такомъ положеніи онъ могъ, конечно, и не замѣчать своего честолюбія. Въ другой разъ онъ говорилъ тому же собесѣднику: „у меня одна любовь одна страсть—Франція. Съ нею я живу; она мнѣ никогда не измѣняла; она расточаетъ для меня свою кровь и свои сокровища; если мнѣ надо 500.000 человѣкъ, она даетъ мнѣ ихъ“.**).

---

*) У Вандаля въ его сочиненіи Наполеонъ и Александръ I (т. II) есть интересныя страницы о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ осуществленію этой фантазіи.

**) Taine. Regime Moderne p. 76.

Эти слова объясняютъ характеръ этой любви, сводящійся на то же честолюбіе. Завѣщая похоронить себя на берегахъ Сены, среди того народа, который онъ такъ любилъ, Наполеонъ ошибался въ существѣ своего чувства къ французамъ. Онъ любилъ Францію не какъ святую отчизну, для которой мы готовы отдать все, что есть у насъ самаго дорогого, даже самую жизнь, но какъ поприще и орудіе своей славы, своихъ подвиговъ, какъ красивую сильную лошадь, переносившую его черезъ всѣ препятствія, для которой онъ былъ безжалостнымъ ѣздокомъ, по выраженію Тэна. Характерное свидѣтельство о размѣрахъ своего честолюбія онъ высказалъ адмиралу Декре: „Я явился слишкомъ поздно; нельзя сдѣлать ничего великаго. Я согласенъ, моя каррьера хороша, я прошелъ прекрасный путь. Но какая разница съ древностью! Вспомните Александра: когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя сыномъ Юпитера, то за исключеніемъ Олимпія, который зналъ, какъ къ этому относиться, да еще Аристотеля и нѣсколькихъ аонискихъ педантовъ, весь Востокъ ему повѣрилъ. Ну, а еслибы я вздумалъ объявить себя сыномъ Предвѣчнаго и сказать, что въ качествѣ таковаго я ему воздамъ поклоненіе? Вѣдь послѣдняя торговка захохочетъ мнѣ въ глаза. Народы слишкомъ просвѣщенны теперь; нечего больше дѣлать“.*). Иногда людей съ такимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ объявляютъ сумашедшими, иногда передъ ними преклоняются. Правы-ли тѣ ученые, которые объявляютъ геній особой формой помѣшательства, мы не знаемъ; но мы знаемъ, что передъ Наполеономъ преклонялись. Тому были свои причины. Обстоятельства благопріятствовали удовлетворенію этого непомѣрнаго честолюбія. Хотя, за излишкомъ просвѣщенія, и нельзя было объявить себя сыномъ Зевса, но работы, удовлетворяющей честолюбіе было довольно. Во вторыхъ сила воли, безконечное трудолюбіе, размѣры способностей и общественныя заслуги оправдывали это честолюбіе въ глазахъ современниковъ и заставляли преклоняться

*) Taine. Regime Moderne p. 77.

передъ нимъ. Особенно сила воли. Это была сталь такого закала, разбить которую ничто не могло, развѣ только смерть, сопротивляться которой ничто не въ силахъ. Она сквозила во внѣшности Наполеона, особенно въ первые годы его славы, и безотчетно—неотразимо дѣйствовала на людей.

Тэнъ такъ характеризуетъ наружность генерала Бонапарта по портрету Герена (Guérin): „Посмотрите на это исхудалое тѣло, на эти узкія плечи въ форменномъ сюртукѣ, измятомъ рѣзкими движеніями, на эту шею, обернутую широкимъ скомканнымъ галстухомъ, на эти виски, прикрытыя длинными прямыми волосами, ниспадающими на плечи; ничто не поражаетъ, кромѣ лица (masque): эти жесткія черты рѣзко обозначенные глубокими контрастами свѣта и тѣни—эти впалыя щеки, съ углубленіями, доходящими до внутреннихъ угловъ глазъ; эти выдавшіяся скулы, этотъ подбородокъ большой и выдающійся, эти тонкія и подвижныя губы, сжатыя напряженнымъ вниманіемъ,—эти большіе свѣтлые глаза, глубоко сидящіе въ орбитахъ, этотъ пристальный (fixe oblique) взглядъ, пронизывающій какъ стрѣла,—эти двѣ глубокія морщины идущія по лбу вверхъ отъ основанія носа и говорящія о движеніи гнѣва, сдержаннаго напряженіемъ воли. Прибавьте къ этому то, что видѣли и слышали современники: отрывистый голосъ, быстрый и рѣзкій жестъ, испытующій и повелительный тонъ, не допускающій возраженія, и вы поймете, почему они, едва успѣвъ подойти къ нему, уже чувствуютъ на себѣ его властную руку, которая опускается на нихъ, сгибаетъ ихъ, сжимаетъ и уже болѣе не выпускаетъ.*).

Воображеніе не обмануло Тэна. Характеръ впечатлѣнія, производимаго Наполеономъ на окружающихъ, переданъ имъ вѣрно. Свидѣтельства современниковъ подтверждаютъ нарисованную имъ картину. Маршалъ Массена разсказывалъ Шапталю про свое первое свиданіе съ Наполеономъ. Это было, когда онъ пріѣхалъ въ Италію въ качествѣ главнокомандующаго. Когда генералы увидѣли его въ первый разъ,

*) Taine. Regime Moderne p. 19.

они готовы были составить о немъ невысокое мнѣніе. Его невзрачный видъ, крайняя молодость, то, что онъ часто держалъ въ рукахъ портретъ жены, все это, говорилъ Массена, побудило насъ думать, что это назначеніе есть дѣло интриги. Но когда онъ началъ распрашивать, а потомъ излагать свои предположенія и распоряженія, то онъ какъ будто выросъ сразу на два фута, и мы удалились съ убѣжденіемъ, что у насъ есть наконецъ настоящій начальникъ.*).

Передъ этой самой аудіенціей подъ вліяніемъ предположенія, что Бонапартъ—это мальчишка, бульварный генералъ, которымъ парижскіе интриганы наградили итальянскую армію, Ожеро говорилъ, что онъ оборветъ этого выскочку. Ожеро, этотъ бывшій извощикъ, былъ человѣкъ не робкаго десятка и самъ однимъ своимъ ростомъ и силой могъ внушать страхъ. Но дѣло было совсѣмъ иначе. Когда генералы собрались, ихъ ввели. Бонапартъ заставилъ себя подождать. Наконецъ онъ выходитъ, застегиваетъ портупею, надѣваетъ шляпу, объясняетъ диспозицію и даетъ свои приказанія. Ожеро не проронилъ ни слова; только уже на дворѣ онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ свои обычныя ругательства; онъ сознается что этотъ маленькій в.... генералъ, нагналъ на него страху; онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ вліяніи, которое его какъ будто придавило съ перваго взгляда.**).

Другой современникъ сравнивалъ Наполеона съ тигромъ. Онъ говорилъ: „знаете, я очень люблю этого милаго генерала; но про себя, совсѣмъ тихо, я его называю маленькимъ тигромъ, чтобы хорошо охарактеризовать его ростъ, силу (tenacité), цѣпкость, бодрость, живость, его скачки (élans) и все, что есть въ немъ такого, что можно принять въ этомъ смыслѣ.***).

Впечатлѣнія современниковъ, относящіяся къ этимъ первымъ моментамъ карьеры Наполеона, не осложнялись славой его имени, а потому они имѣютъ для насъ большой ин-

---

*) Ghaptal. Memoires p. 205.
**) Taine. Regime Moderne p. 21.
***) Ibidem p. 17. Слова секретаря папской легаціи Како (Cacault)

тересъ. Они говорятъ о томъ безотчетномъ чувствѣ, которое овладѣваетъ нами, когда мы становимся лицомъ къ лицу съ огромной силой, и которое насъ заставляетъ подчиняться ей, еще раньше, чѣмъ она будетъ направлена противъ насъ.

Эта сила, какъ мы сказали, была не только въ упругости воли, а и въ безконечной способности къ труду при огромныхъ способностяхъ.

Крайне рѣдко встрѣчаются люди, которые могли-бы работать и работали-бы такъ много, какъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить развѣ съ Фридрихомъ Великимъ, причемъ пальма первенства всетаки останется за Наполеономъ. Сну и ѣдѣ онъ отдавалъ очень мало времени; обыкновенно не болѣе 4—5 часовъ. Впрочемъ никакой правильности у него въ этомъ отношеніи не было; то онъ ложился въ 8 часовъ утра, то въ 4 или 5 часовъ утра, то онъ спалъ 8—10 часовъ, то вставалъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ заснулъ, и работалъ всю ночь напролетъ. Тоже и съ пищей. Иногда онъ ставилъ себѣ за правило обѣдать лишь тогда, когда стемнѣетъ, но чаще часы обѣда зависѣли отъ желанія ѣсть.*). Во время консульства и нѣкоторое время позже онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть за столомъ не больше десяти минутъ; онъ вставалъ и для него обѣдъ кончался. Это сначала стѣсняло его жену и лицъ, приглашенныхъ къ обѣду: они тоже вставали вмѣстѣ съ нимъ; но потомъ они предоставляли ему уходить, а сами продолжали обѣдъ. Впослѣдствіи, къ сорока годамъ, онъ отяжелѣлъ; онъ больше отдавалъ времени сну и проявлялъ склонность хорошо поѣсть. Но и тогда работѣ онъ отдавалъ много времени. Во время консульства совѣты по разнымъ дѣламъ происходили иногда цѣлый день, чередуясь одинъ за однимъ, и нерѣдко захватывали значительную часть ночи. Безсмѣннымъ оставался въ этихъ засѣданіяхъ Наполеонъ, ибо онъ самъ предсѣдательствовалъ на нихъ и игралъ наиболѣе активную роль. Такъ какъ при вступленіи въ консульство онъ былъ весьма мало

---

*) Chaptal. Memoires p. 329.

свѣдущъ по многимъ вопросамъ государственнаго управленія, то онъ въ этихъ засѣданіяхъ учился и государственному, и гражданскому, и уголовному праву, и финансамъ, и учился поразительно усердно и быстро. Онъ все выспрашивалъ, требовалъ объясненія словъ самыхъ употребительныхъ, которыя однако ему были неизвѣстны; онъ вызывалъ обсужденіе вопроса до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и у него не составлялось объ немъ опредѣленное мнѣніе. Удовлетворить его въ этомъ отношеніи было не легко, потому что онъ не довольствовался поверхностнымъ изученіемъ дѣла. Поэтому-то и выходило, что совѣтъ рѣдко расходился, не научившись чему либо—не изъ того, что сообщалъ первый консулъ, а изъ того детальнаго обсужденія дѣла, которое онъ вызывалъ. Такъ какъ онъ не прекращалъ засѣданія до тѣхъ поръ, пока дѣло не выяснялось окончательно, то иногда оно длилось 8—10 часовъ, съ перерывомъ на четверть часа. Послѣ такихъ засѣданій онъ велъ другія, которыя затягивались иногда до 5 часовъ утра. Иные члены совѣта, измученныя этой напряженной умственной работой, засыпали; но никогда не замѣчали, говоритъ Шапталь, чтобы Наполеонъ уставалъ, не видали въ немъ никакихъ признаковъ утомленія духа. Въ концѣ засѣданія онъ казался также мало уставшимъ, какъ и вначалѣ.*). Онъ будилъ своихъ уснувшихъ коллегъ приговаривая: „ну, ну, гражданинъ, надо зарабатывать тѣ деньги, которыя намъ платятъ“. Бывало нерѣдко, что послѣ такихъ засѣданій, онъ у себя продолжалъ работать, отдавая сну и ѣдѣ лишь нѣсколько минутъ въ сутки, а остальное время проводя въ работѣ.

Умственная неутомимость шла рука объ руку съ неутомимостью физическою. Наполеонъ могъ проводить въ движеніи 6—8 часовъ, не чувствуя никакой усталости. Бывало, что онъ проводилъ на лошади 12—14 часовъ, не слѣзая, причемъ обладалъ какою то непостижимою способностью задер-

*) Taine. Regime Moderne p. 24, 26.
Chaptal. Memoires p. 226, 328 и 329.

живать свои потребности. Онъ самъ вспоминалъ, какъ онъ сражался пятеро сутокъ подъ рядъ съ Альвинци, не смыкая глазъ, не раздѣваясь и почти не слѣзая съ лошади. Но за то, разбивъ его и сдѣлавъ распоряженіе о преслѣдованіи, онъ проспалъ 36 часовъ къ ряду.*). Хотя Шапталь и говоритъ, что къ сорока годамъ своей жизни Наполеонъ отяжелѣлъ, что верховая ѣзда стала утомлять его, но изъ фактовъ, имъ же самимъ проводимыхъ, видно, что это ослабленіе физической энергіи было весьма незначительно. Когда онъ вернулся изъ Польши послѣ войны 1812 года, проскакавъ три недѣли, нигдѣ не останавливаясь, онъ тотчасъ созвалъ совѣтъ министровъ и на засѣданіи былъ вполнѣ бодръ, выказывалъ ту же послѣдовательность и силу мысли, какъ будто онъ провелъ ночь спокойно въ своей комнатѣ".

Эта сила головы у Наполеона была поразительна. Быстрота соображенія, сила логики и глубина анализа поражали современниковъ и удивляютъ потомство. Интересно вспомнить здѣсь о педагогической проницательности одного изъ учителей Наполеона. Въ „Военной Школѣ" учитель нѣмецкаго языка Бауеръ противился допущенію Наполеона къ экзаменамъ, такъ какъ „ученикъ Бонапартъ совершенный болванъ (n'etoit qu'une bête").*). Такія ошибки бываютъ!

Неисчерпаемость физической и нравственной энергіи шла рука объ руку съ богатыми способностями. Память Наполеона и сила его мысли были колоссальны. Развѣ только голова Цезаря можетъ идти въ сравненіе съ его головой, говоритъ Тэнъ. Тридцать два тома корреспонденціи Наполеона знакомятъ насъ въ подробностяхъ со свойствами его интеллекта. Память его заключала въ себѣ всѣ данныя, касавшійся военной и гражданской части управленія, заключала въ себѣ обширный справочный катологъ съ біографическими данными о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся лицахъ. Онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ дизлокацію всѣхъ своихъ

---

*) Chaptal. Memoires. p. 327. Сраженіе при Аркполѣ продолжалось 3 дня, съ 16—по 17 Ноября 1797 г. Вѣроятно въ счетъ вошло движеніе отъ Мантуи.

**) Levy. Mapoleon Intime p. 18.

полковъ, ихъ численный составъ, и составъ корпуса офицеровъ каждаго полка. Однажды генералъ Дежанъ представилъ ему вѣдомость расходовъ по продовольствію войскъ въ пути. Наполеонъ остановился на одной статьѣ о расходѣ въ 1230 раціоновъ, выданныхъ какому то полку въ Фонтенэ. „Тутъ ошибка, сказалъ онъ. Этотъ полкъ не былъ въ Фонтенэ. Онъ былъ тогда въ Рошфорѣ, а оттуда двинулся въ Испанію и черезъ Фонтенэ не проходилъ.*).

Бюджеты со всѣми подробностями по приходу и расходу помѣщались въ его головѣ, какъ въ какой либо громадной книгѣ съ тою развѣ разницею, что найти ихъ въ своей головѣ было гораздо легче, и скорѣе, чѣмъ найти въ книгѣ. У него была особенная какая то любовь къ подробностямъ и цифровымъ даннымъ; онъ читалъ разныя вѣдомости съ такою же легкостью, какъ мы читаемъ повѣсти и романы. Съ такою же точностью и прочностью располагались въ его головѣ и данныя біографическія съ прибавкою живыхъ портретовъ подлежащихъ лицъ. Встрѣтившись во время консульства съ своимъ знакомымъ по Валансу, впослѣдствіи министромъ Монталиве, Наполеонъ провелъ съ нимъ цѣлый день въ разговорахъ о Валансѣ. Онъ вспоминалъ съ точностью всѣхъ знакомыхъ, опредѣлялъ такъ вѣрно участіе каждаго въ революціи, ихъ характеръ, таланты, что изумилъ Монталиве. Наконецъ, онъ вспомнилъ лимонадчицу, у которой они собирались пить кофе и сказалъ; „Я боюсь, что я ей заплатилъ не за всѣ выпитыя чашки кофе; вотъ 50 луи, отошлите ей пожалуйста“.*).

Однажды, уже въ концѣ Имперіи, во время представленія новыхъ членовъ законодательнаго корпуса, Наполеонъ неожиданно обращается къ одному изъ депутатовъ съ вопросомъ о томъ, какъ поживаютъ его дочери. По поводу удивленія послѣдняго, что императоръ знаетъ его семью, Наполеонъ объяснилъ ему, что когда въ 1800 году онъ шелъ походомъ въ Италію, и вынужденъ былъ остановиться на нѣ-

---

*) Chaptal. Mes. souvenirs. p. 336.
**) Chaptal. Mes. souvenirs. p. 184.

которое время, такъ какъ дорога была загромождена артилеріей, то онъ стоялъ около его дома и тутъ видѣлъ его и его двухъ дѣвочекъ, которыя играли у воротъ. Особенно сильна была у Наполеона топографическая память. Онъ представлялъ себѣ мѣстность совершенно какъ въ натурѣ, со всѣми ручейками, оврагами и горами, дорогами и тропинками, какъ на лучшей картѣ генеральнаго штаба. Эти изумительные размѣры и прочность памяти комбинировались съ поразительною живостью воображенія. Онъ съ такою отчетливостью представлялъ себѣ наиболѣе обширныя комбинаціи положеній и движеній, какъ будто они находились предъ его глазами. Отсюда понятно превосходство его надъ соперниками въ стратегическихъ соображеніяхъ.

При такихъ интеллектуальныхъ условіяхъ трудолюбіе Наполеона и его неутомимость въ трудѣ могли сдѣлать то большое дѣло организаціи новаго порядка во Франціи, которое выпало на его долю. Съ такими памятью и воображеніемъ работать было легко. Разные предметы и дѣла, говоритъ Тэнъ, были разложены въ его головѣ, какъ въ шкафу съ ящиками. „Когда я хочу прервать какое нибудь дѣло, говаривалъ Наполеонъ, я запираю его ящикъ и открываю ящикъ съ другимъ дѣломъ. Они никогда не смѣшиваются одно съ другимъ и не стѣсняютъ и не утомляютъ меня. Захотѣлось мнѣ спать, я затворяю всѣ ящики и сейчасъ же засыпаю.*).

Прочность памяти Наполеона въ нѣкоторыхъ случаяхъ служила ему плохую службу. Разъ услышанное слово отпечатывалось въ ней такъ сильно, что уже онъ не могъ отдѣлаться отъ этого перваго впечатлѣнія. А такъ какъ онъ плохо слышалъ, то, бывало, что онъ повторялъ слово въ той невѣрной формѣ, въ которой воспринялъ его въ первый разъ. Такъ онъ говорилъ: „rente voyagère“ вмѣсто „viagère“, point fulminant вмѣсто „culminant“, „Illes Philippiques“ вмѣсто „Philippines“ и т. д.

---

*) Taine. Le Regime Moderne p. 25.

Когда Наполеонъ выступилъ на поприще государственной дѣятельности, онъ отличался большимъ невѣжествомъ въ отношеніи предметовъ, относящихся къ государственной жизни. Государственное право, финансы, экономическая жизнь, гражданское и уголовное право ему были чужды. Онъ поражалъ окружающихъ своимъ полнымъ невѣдѣніемъ вещей, казалось-бы, общеизвѣстныхъ. Онъ не скрывалъ своего невѣдѣнія и сталъ учиться на практикѣ въ тѣхъ безчисленныхъ засѣданіяхъ разныхъ совѣтовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, онъ игралъ наиболѣе активную роль. Его спасли его любознательность и геніальныя способности. Онъ учился чрезвычайно быстро и уже очень скоро обогналъ своихъ учителей въ дѣлѣ знанія государственной жизни, хотя слѣдуетъ признать, что недостатокъ теоретической подготовки всегда давалъ себя чувствовать. Такъ, напримѣръ, онъ ставилъ земледѣліе на первомъ планѣ въ народномъ хозяйствѣ; но онъ не имѣлъ объ немъ ни малѣйшаго понятія. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ деревнѣ, дали бы болѣе свѣдѣній по этой части, говоритъ Шапталь, чѣмъ имѣлъ ихъ Бонапартъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Шапталемъ былъ въ Гаврѣ и устроилъ тамъ собраніе негоціантовъ для обсужденія дѣлъ торговли, то на этомъ собраніи были обсуждаемы въ его присутствіи наиболѣе крупные вопросы. Одинъ изъ негоціантовъ особенно выдавался глубиною своего взгляда и широтою познаній. Выйдя изъ этого собранія, Наполеонъ признался Шапталю, что это впервые онъ увидѣлъ, что коммерція есть тоже наука. Тѣмъ не менѣе однако, благодаря указаннымъ нами свойствамъ своей личности, Наполеонъ скоро сталъ удовлетворять требованіямъ, предъявлявшимся тогда жизнью главѣ государства, сталъ на высотѣ французскихъ традицій во всѣхъ отрасляхъ національной жизни и выдвинулся крупной фигурой на рубежѣ стараго и новаго порядка.

Останавливаясь въ изумленіи предъ этой импозантною личностью, задаешься невольно вопросомъ, откуда взялся этотъ человѣкъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Тэнъ сближаетъ Наполеона съ итальянскими кондотьерами XV вѣка и говоритъ,

что и въ самомъ дѣлѣ онъ происходитъ отъ этихъ людей дѣйствія, этихъ военныхъ авантюристовъ, узурпаторовъ и основателей недолговѣчныхъ государствъ. Онъ унаслѣдовалъ ихъ умственную и нравственную структуру. Отпрыскъ этого племени, взятый оттуда раньше его упадка и истощенія, онъ былъ перенесенъ въ отдаленный и подобный-же питомникъ, гдѣ продолжается и живетъ порядокъ воинственный, полный трагедіи. Первоначальный отпрыскъ сохранился тамъ во всей неприкосновенности; онъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обновляясь и усиливаясь путемъ скрещеній. Наконецъ въ послѣдній разъ онъ выходитъ изъ земли и развивается великолѣпно, съ тою же листвою и съ тѣми же плодами, какъ и прежде, на первоначальномъ стволѣ. Новѣйшая культура и французское садовое искуство чуть чуть обрѣзали нѣкоторыя вѣтки, очистили нѣкоторыя иглы; основная ткань его, сущность, его природное направленіе не измѣнились. Но почва Франціи и Европы, которую онъ встрѣтилъ, взбудораженная бурями революціи, оказалась болѣе благопріятною для его произростанія, чѣмъ старое поле Среднихъ Вѣковъ; и онъ тутъ одинъ, онъ не подвергался, какъ его предки въ Италіи, конкуренціи особей своей породы; ничто его не стѣсняетъ. Онъ можетъ захватить всѣ соки земли, весь воздухъ и солнечный свѣтъ и стать такимъ колоссомъ, какимъ не могли стать старыя растенія, можетъ быть такія же живучія и навѣрное такія же поглощающія (absorbants), какъ и онъ самъ, но родившіяся на почвѣ менѣе рыхлой и болѣе стѣсняемые другъ другомъ“.*).

Оставимъ въ сторонѣ мысль о происхожденіи Наполеона отъ итальянскихъ кондотьери и объ унаслѣдованіи ихъ свойствъ, какъ мысль болѣ поэтическую, чѣмъ научно обоснованную; но остановимся на объясненіи мысли Тэна о вліяніи на структуру Наполеона корсиканской почвы и революціи. Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о томъ, что соотчичи Наполеона въ Корсикѣ не были подъ сглаживающимъ вліяніемъ

*) Taine. Regime Moderne p. p. 21, 23.

трехъ вѣковъ судовъ и полиціи. Въ самомъ дѣлѣ, тамошняя дикая жизнь требовала болѣе сильныхъ натуръ. Но и это объясненіе можетъ быть допущено съ немалыми оговорками. Другое дѣло роль Революціи въ судьбѣ Наполеона. Падали общественные устои, сходили быстро со сцены общественные классы, руководящія лица. Рухнула лѣстница обычнаго возвышенія; отсюда больше шансовъ для успѣха людямъ способнымъ и энергичнымъ. Только благодаря этимъ условіямъ, Наполеонъ могъ стать въ 30 лѣтъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ, а распатанность стараго порядка въ Европѣ дала ему возможность занять первое мѣсто и внѣ Франціи. Не забудемъ, однако, что таже эпоха выдвинула много способныхъ и энергичныхъ людей, которые, хотя и заслонены были фигурой Наполеона, но лично содѣйствовали и его успѣху и его дѣлу. Но это еще не все. Событія шли съ головокружительной быстротой. Въ пять лѣтъ юной жизни Наполеона ему пришлось слышать и видѣть столько событій, участвовать въ столькихъ изъ нихъ, начиная съ борьбы на Корсикѣ и кончая перипетіями политической жизни въ Парижѣ и провинціи, и поэтому столько передумать и перечувствовать за эти пять лѣтъ, какъ другому при обычномъ теченіи жизни не довелось бы пережить и въ десятки лѣтъ. Не удивительно, что человѣкъ, богато одаренный отъ природы, не сильно подвергшійся нивеллирующему вліянію старой жизни и школы, развился сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ это могло-бы быть въ другое время, и что онъ выросъ до такихъ размѣровъ, до какихъ не достигали въ другое время. Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ тезисъ Тэна о значеніи взбудораженной бурями Революціи почвы Франціи и Европы въ судьбѣ Наполеона.

II.

Въ прошлой лекціи я старался сосредоточить ваше вниманіе на характерѣ Наполеона, на выдающихся чертахъ этого колоссальнаго человѣка, имѣвшаго такое громадное вліяніе на судьбы Франціи и Европы. Теперь я буду говорить о роли его въ исторіи Франціи и вліяніи его на судьбы Европы.

Подходя къ этому вопросу, Тэнъ заявляетъ: каковъ архитекторъ, таково и зданіе, говоря этимъ, что въ дѣлѣ Наполеона, какъ въ общемъ планѣ такъ и въ частностяхъ, цѣликомъ отразилась его личность, его характеръ.

Чтобы уяснить себѣ дѣятельность Наполеона, мы должны прежде всего отрѣшиться отъ мысли, что личность составляетъ все въ исторіи. Вопросъ этотъ различно трактуется историками. Одни думаютъ, что такъ называемые великіе люди руководятъ историческимъ процессомъ и что отъ нихъ, слѣдовательно, зависитъ судьба народовъ и то или иное направленіе прогресса. Другіе думаютъ, напротивъ, что великіе люди безсильны дать ходу событій то или иное направленіе, и сами они всецѣло подчиняются тому направленію жизни, которое опредѣлилось не по ихъ волѣ и не по ихъмысли. Намъ кажется, что склоняясь ко второму взгляду, слѣдуетъ принимать его съ слѣдующей оговоркой. Бываютъ въ исторіи такіе поворотные пункты, когда старые принципы, лежавшіе въ основѣ общественнаго развитія, отживаютъ свое время, строй, ими опредѣлявшійся, начинаетъ разваливаться, но еще не потерялъ совершенно своей жизнеспособности. А между-тѣмъ новые принципы еще не взяли рѣшительнаго перевѣса, а потому и новый строй общественной жизни не можетъ осуществиться. Тогда наступаетъ моментъ равновѣсія противуположныхъ об-

щественныхъ тенденцій, равновѣсія, конечно, неустойчиваго. Всякая сила приложенная къ той или иной сторонѣ можетъ оказать вліяніе. Въ такую то пору значеніе личности богато одаренной можетъ оказаться весьма важнымъ. Ставъ на сторону зарождающагося порядка, она ускоряетъ его торжество и оказываетъ вліяніе на его организацію; напротивъ, явившись сторонникомъ отживающаго строя, великій человѣкъ какъ бы вдыхаетъ въ него новую жизнь; но это только иллюзія. На самомъ дѣлѣ только задерживается побѣда новаго строя, процессъ разложенія стараго становится болѣе злокачественнымъ, данное общество можетъ оказаться въ эту минуту очень слабымъ и стать добычей болѣе сильнаго сосѣда. Послѣднее, т. е. болѣе затяжной процессъ нарожденія новаго строя и болѣе злокачественное разложеніе стараго, можетъ произойти и отъ отсутствія въ поворотное время крупной личности.

Вспомнимъ Петра Великаго и Карла Великаго, какъ сторонниковъ движенія впередъ, и Карла V или Филиппа II Испанскаго, какъ борцовъ за устарѣвшія идеи, и высказанная мысль получитъ иллюстрацію. Можно указать еще на положеніе Польши въ XVII и XVIII вѣкахъ и на положеніе Турціи въ нашемъ вѣкѣ. Останавливаться далѣе на этомъ вопросѣ значило-бы уклониться далеко отъ нашей задачи. Къ тому же для меня важно только обратить ваше вниманіе на то, что въ силу указанной точки зрѣнія a priori нельзя допустить, чтобы организація Франціи въ началѣ XIX вѣка была цѣликомъ результатомъ личныхъ свойствъ Наполеона и его воззрѣній. Настоящей бесѣдой я постараюсь выяснить какъ положеніе его среди боровшихся въ то время общественныхъ стремленій, такъ и историческое значеніе его дѣятельности.

Вспомнимъ настроеніе общества 1799 г. Въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1789 года, оно пережило очень много и во многомъ разочаровалось. Исчезли радужныя надежды, возбужденныя провозглашеніемъ правъ человѣка и гражданина въ 1789 году, минулъ энтузіазмъ жирондистовъ съ его надеждами на осуществленіе буржуазной республики. Сошла со сцены страш-

ная энергія террористовъ 93 года, свирѣпое увлеченіе которыхъ идеей охлократіи разбилось о невозможность организовать ее. Идеалы умѣренныхъ монархистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ, охлократовъ,—всѣ потерпѣли крушеніе одни за другими, всѣ одинъ за другимъ растеряли своихъ сторонниковъ. Въ исторіи мы не найдемъ другого такого періода, гдѣ за 10 лѣтъ народъ пережилъ-бы столько бурныхъ перемѣнъ, столько крушеній и разочарованій. Тѣмъ сильнѣе была апатія, охватившая общество къ концу этого времени. Только личный интересъ остается у политическихъ дѣятелей; желаніе пріобрѣсти положеніе, сохранить и упрочить его управляетъ жалкими людьми, стоявшими во главѣ общества во времена Директоріи.

Рядомъ съ крайней апатіей общества мы видимъ другое явленіе,—отсутствіе государства въ общественной жизни. До революціи государство вмѣшивались во всѣ ея проявленія; мельчайшія дѣла провинціи требовали санкціи центральнаго правительства. Во время учредительнаго собранія рушилась старая государственная машина; но на ея мѣсто не было поставлено новаго правительства, которое обладало бы властью. Созданная на бумагѣ организація была безсильна дѣйствовать, и разлетѣлась въ дребезги при первомъ поворотѣ махового колеса. Далѣе, во время террора, вмѣстѣ съ усиливавшеюся борьбою партій, все болѣе усиливалась анархія. Законъ и центральное правительство внѣ военной сферы стали почти фикціей. Паденіе террористовъ не сопровождалось водвореніемъ порядка, а только паденіемъ энергіи. Твердаго и сильнаго правительства не было, и все государство было въ хаотическомъ состояніи. На западѣ 40 тысячъ вооруженныхъ людей отстаивали старый порядокъ. На югѣ разбойничество достигло давно невиданныхъ размѣровъ. Представители многочисленныхъ партій боролись между собою часто съ оружіемъ въ рукахъ и были одинаково враждебны закону и порядку. Не стало ни путей сообщенія, ни безопасности. Директорія славилась только распущенностью и хищеніями. Таково было положеніе Франціи 19 Брюмера, когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ.

Рѣдкій государственный переворотъ сопровождался такимъ единодушнымъ одобреніемъ, какъ переворотъ 19 Брюмера. Какъ генералы итальянской арміи послѣ перваго пріема у главнокомандующаго сказали: „у насъ есть начальникъ“, такъ сказала теперь вся Франція: „у насъ есть наконецъ правительство;“ четыре года колоссальной работы употребило это правительство на переработку устоевъ общественной жизни Франціи, и зданіе, построенное этими работниками съ Наполеономъ во главѣ, существуетъ въ главныхъ чертахъ и до сего дня.

Созданное учредительнымъ Собраніемъ дѣленіе на департаменты было сохранено; но ихъ управленіе вмѣсто почти независимыхъ отъ центральной власти выборныхъ совѣтовъ, было поручено префектамъ, которые назначались консуломъ и зависѣли вполнѣ отъ министровъ, имъ же назначаемыхъ. Выборные совѣты остались при префектахъ только номинально, въ видѣ совѣщательныхъ учрежденій и нисколько не ограничивали ихъ власти. Результаты твердой власти не замедлили сказаться. Въ 99 году въ Парижѣ нельзя было выйти на улицу послѣ 9-ти часовъ вечера, не рискуя быть ограбленнымъ; черезъ два года разбои исчезаютъ по всей Франціи, пути сообщенія, почта, словомъ весь государственный механизмъ, распатанный революціей, возстановляется.

Кромѣ устройства административнаго, колоссальная работа была совершена въ сферѣ гражданскаго, уголовнаго и торговаго законодательствъ и въ судебной организаціи. Въ ежедневныхъ совѣтахъ, затягивавшихся иногда до пяти часовъ утра, обсуждаемы были проекты новаго законодательства Франціи. Четыре года работалъ въ этихъ совѣтахъ Наполеонъ, собирая вокругъ себя талантливыхъ людей безъ различія партій, къ которымъ они прежде принадлежали, монархистовъ и республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ. Онъ умѣлъ относиться къ людямъ безпристрастно и вѣрно опредѣлялъ ихъ достоинства. Порталисъ, Камбасересъ, Тронше, старый роялистъ, и другіе создаютъ подъ его руководствомъ кодексъ, дѣйствующій и сейчасъ, и долгое время послѣ того

бывшій образцовымъ; создаютъ систему судебныхъ учрежденій, существующую и по сіе время почти безъ измѣненій.

Была ли однако эта новая административная Франція чѣмъ-то совершенно новымъ по основному своему принципу? Нѣтъ. Если мы сравнимъ администрацію Бурбоновъ съ администраціей Наполеона, мы найдемъ въ нихъ одну и ту же существенную черту—централизацію. Эта черта не недавняя во французской исторіи,—она существовала еще до Людовика XIV, который далъ ей торжество во всей Франціи. Почти наканунѣ Революціи можно замѣтить слабыя попытки уменьшить централизацію; на практикѣ, какъ равно и въ публицистикѣ, проявляются слабые проблески сознанія вреда ея. Затѣмъ во время самой Революціи, во время Жирондистовъ, мы видимъ слѣды этого политическаго теченія; но затѣмъ въ періодъ господства Комитета Спасенія эти слѣды изчезаютъ совершенно. Необходимость борьбы съ европейской коаліціей требовала централизаціи, а побѣда въ этой борьбѣ подняла ея престижъ и стала ея оправданіемъ. Наполеонъ, слѣдовательно, нашелъ принципъ централизаціи готовымъ въ политическихъ традиціяхъ Франціи, а ту форму, которую онъ придалъ новой администраціи, онъ нашелъ въ работахъ Учредительнаго Собранія. Можно сказать, что новая административная машина, по своему однообразію, правильности и соблюденію принципа равенства всѣхъ передъ закономъ вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ принциповъ Революціи, а по своему принципу она явилась дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ старой королевской машины. Если она соотвѣтствовала характеру Наполеона, то отсюда не слѣдуетъ, что она явилась результатомъ этого характера. Если-бы она не отвѣчала традиціямъ и идеямъ націи, она не просуществовала бы такъ долго послѣ своего творца.

Разсматривая его законодательную работу, мы видимъ прежде всего по его сотрудникамъ, что онъ не порываетъ связей съ традиціями стараго порядка. Тронше, главный его сотрудникъ, и другіе были видными юристами стараго времени; но не въ этомъ только дѣло. Мы знаемъ, что старые ордонансы королей, а затѣмъ сборники обычнаго права до-

революціонной Франціи, послужили матерьялами для законодательства Наполеона. То, что въ этомъ старомъ законодательствѣ не соотвѣтствовало идеѣ равенства всѣхъ передъ закономъ, было устранено, то, что противорѣчило идеямъ справедливости и гуманности, выработаннымъ умственнымъ движеніемъ XVIII вѣка, было удалено; напротивъ, многое, что было годно, то было оставлено. Мало этого, созданы новые законы, соотвѣтствующіе требованіямъ новаго времени, и всѣ они вмѣстѣ обработаны на основаніи одной мысли, имъ дано такъ сказать теоретическое объединеніе. Такимъ образомъ, кодексъ Наполеона своими корнями находится въ старой Франціи, а своимъ стволомъ и вѣтвями связываетъ ее съ Франціей новой. Въ этомъ его сила. Оно и понятно. Сила закона заключается не столько въ его философскомъ совершенствѣ, сколько въ его соотвѣтствіи умственному уровню общества, его правовымъ понятіямъ, привычкамъ и чувствамъ. Отнимите отъ него эти качества и онъ останется мертвой буквой. Итакъ, и въ своей законодательной работѣ Наполеонъ былъ творцомъ, талантливо обработывавшимъ то, что было нажито французами, ясно сознающимъ то, что многіе лишь чувствовали. Такова вѣдь именно и есть обыкновенно роль великихъ людей.

Переходимъ къ политической организаціи Франціи. Объ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ о гражданскомъ законодательствѣ можно сказать, что политическая организація, данная Франціи въ 1799 году вполнѣ соотвѣтствовала властолюбію Наполеона. Созданныя конституціонныя учрежденія обезпечивали диктатуру. Образованныя тогда Сенатъ, Трибунатъ и Законодательный Корпусъ долженствовали изображать такія учрежденія, которыя представляли собою націю и ограничивали исполнительную власть въ законодательной и финансовой сферахъ. Но на самомъ дѣлѣ, они ни по составу, ни по способу рѣшенія дѣлъ не могли быть самостоятельны, а были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго консула. Назначеніе членовъ Трибуната и Законодательнаго Корпуса дѣлалось сенатомъ по списку нотаблей, а назначеніе сенаторовъ дѣлалось сенатомъ самимъ; но изъ

числа кандидатовъ,—трехъ на каждую вакансію,—представляемыхъ первымъ консуломъ, Трибунатомъ и затѣмъ Законодательнымъ Корпусомъ, по одному. Затѣмъ, вслѣдствіе измѣненія конституціи въ X году (1801) всѣ три кандидата предлагались первымъ консуломъ. Такимъ образомъ Сенатъ косвенно пополнялся первымъ консуломъ, а такъ какъ въ первый разъ сенаторы назначены были имъ черезъ посредство коммиссіи, состоявшей изъ его приверженцевъ, то въ сущности сенатъ былъ послушнымъ орудіемъ Наполеона. Законы и смѣты доходовъ и расходовъ представлялись государственнымъ совѣтомъ, обсуждались въ Трибунатѣ, послѣ чего три члена государственнаго совѣта и три члена Трибуната обсуждали законопроэктъ предъ Законодательнымъ Корпусомъ; послѣдній вотировалъ его безъ обсужденія. Потомъ въ XII году съ уничтоженіемъ Трибуната, исчезла и тѣнь критики законопроектовъ правительства. Вся законодательная власть слѣдовательно, наравнѣ съ административной была въ его рукахъ. Это была диктатура! Въ рукахъ Наполеона была администрація, финансы, войско, и законодательная власть. Можно утверждать, что его абсолютизмъ былъ болѣе глубокимъ и всепроникающимъ, чѣмъ абсолютизмъ Людовика XIV. Чѣмъ объясняется подчиненіе Франціи такой власти, подчиненіе тѣмъ болѣе удивительное на первый взглядъ, что оно послѣдовало послѣ Революціи?

Во первыхъ не слѣдуетъ забывать, что революція 1789 г. въ гораздо большей степени преслѣдовала интересы гражданскаго равенства и освобожденіе отъ феодальныхъ путъ, чѣмъ интересы политической свободы; слѣдуетъ принять во вниманіе далѣе, что практика революціонныхъ правительствъ, была сплошнымъ попираніемъ принциповъ свободы, что сама идея законности померкла сначала среди возстаній, якобы суверенаго народа, а потомъ среди государственныхъ переворотовъ, чинимыхъ съ помощью войска. Прибавимъ къ этому общественную апатію, какъ слѣдствіе разочарованій, и мы поймемъ, почему общество не только подчинилось консульской диктатурѣ, но даже привѣтствовало ее и приняло конституцію VIII года 3.001.087 голосами противъ 1562 голосовъ, высказавшихся

противъ. Надо думать, что при данномъ положеніи политическихъ отношеній, французское общество не имѣло другого выхода, кромѣ диктатуры. Въ своей книгѣ, „Новый Порядокъ“ Тэнъ приводитъ въ пользу этой мысли убѣдительные доводы. Онъ указываетъ на то, что революціонныя партіи радикальнаго пошиба пользовались въ это время всеобщей антипатіей, которая была очень на руку реставраціоннымъ тенденціямъ ортодоксальныхъ католиковъ и монархистовъ. Вандея стояла подъ ружьемъ со своими 40.000 человѣкъ сторонниковъ короля и папы; на верхней Гаронѣ тоже господствовало монархическое возстаніе. На Ронѣ отъ Марсели до Ліона, по обоимъ берегамъ оно дѣйствовало въ видѣ разбойничьихъ шаекъ съ политической окраской. Въ тридцати другихъ католическихъ департаментахъ была скрытая Вандея. „Въ этомъ состояніи ожесточенія, говоритъ Тэнъ, если-бы произошли свободные выборы, то очень вѣроятно, что половина Франціи вотировала-бы за людей стараго порядка, за католиковъ, роялистовъ или по меньшей мѣрѣ за монархистовъ настроенія 1790 года. Представьте себѣ напротивъ этихъ избранниковъ въ той же самой залѣ въ числѣ почти равномъ, избранниковъ другой партіи, ея нотаблей, которыхъ она только и могла избрать; я хочу сказать людей, пережившихъ предыдущія собранія, по всей вѣроятности, конституціоналистовъ IV и V годовъ, членовъ Конвента изъ „Долины“, Фельяновъ 1792 года, начиная съ Лафайета и кончая Дону, Тибодо и Грегуаромъ, между ними жирондистовъ и нѣсколько монтаньяровъ, между прочимъ Барера; всѣ они столь же заражены теоріями какъ ихъ противники традиціями. Кто знаетъ объ эти группы, тотъ видитъ, что вотъ передъ нимъ стоятъ двѣ враждебныхъ догмы, двѣ системы мнѣній и страстей непримиримыхъ, два противоположныхъ способа пониманія идеи верховности, права, общества, государства, собственности, религіи, церкви, Стараго Порядка и Революціи, настоящаго и прошедшаго: это гражданская война, перенесенная изъ націи въ парламентъ. Конечно, правая захочетъ, чтобы первый консулъ былъ Монкомъ, а это его поведетъ къ тому, что онъ станетъ Кромвелемъ, такъ какъ вся его власть зависитъ отъ его вліянія на армію, ко-

горая тогда была верховной властью. Но въ этотъ моментъ армія еще республиканская, если не по сердцу, то по понятіямъ (de cervelles) преисполнена якобинскихъ предразсудковъ, привязана къ революціоннымъ интересамъ, а вслѣдствіе этого сильно враждебна аристократамъ, королю и священникамъ. При первомъ намекѣ на монархическую и католическую реставрацію, она потребуетъ отъ него новаго 18 Фрюктидора; если нѣтъ, то другой какой нибудь якобинскій генералъ: Журданъ, Бернадоттъ или Ожеро, произведетъ таковой безъ него и противъ него, и такимъ образомъ дѣла вошли-бы снова въ ту колею, изъ которой всѣ хотѣли выйти, въ заколдованный кругъ революцій и государственныхъ переворотовъ.*).

Въ этомъ кругу и государство, и сама нація могли потерять свое самостоятельное существованіе. Такимъ образомъ, въ данный моментъ необходимость диктатуры была въ положеніи вещей и за нее стояли всѣ тѣ, которымъ дороги были соціальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя, благодаря революціи, всѣ тѣ, которые избавились отъ гнета феодальныхъ привиллегій и стали собственниками на счетъ конфискованныхъ дворянскихъ и церковныхъ земель, да отчасти и тѣ, которые надѣялись видѣть въ Наполеонѣ генерала Монка. Само собою разумѣется, что такое политическое положеніе было явленіемъ временнымъ. Когда порядокъ былъ возстановленъ и завоеванія Революціи упрочены, воскресла и потребность въ свободѣ, выразившаяся недовольствомъ и заговорами въ концѣ царствованія Наполеона и долгой борьбой послѣ него, увѣнчавшейся наконецъ успѣхомъ во время революціи 1830 года.

Оправдалъ-ли Наполеонъ надежды, возлагавшіяся на него населеніемъ? Въ первое время—вполнѣ.

Вся нація вскорѣ увидѣла, что правительство перваго консула является гарантіей спокойствія въ странѣ и обезпечиваетъ гражданамъ пользованіе плодами своего труда. Пріі-

---

*) Taine. Regime Moderne p. p. 135 и 136.

обрѣтатели національныхъ имуществъ, представлявшихъ собою стоимость во много милліоновъ, увидѣли себя гарантированными отъ всякихъ посягательствъ, представители бывшихъ привиллегированныхъ сословій почувствовали спокойствіе отъ преслѣдованій. Всѣ увидѣли твердую власть, направленную на охрану общихъ интересовъ. Особенно замѣтною была разумная и энергичная дѣятельность Наполеона въ области финансовъ. Хищенія, которыми ознаменовалось время директоріи, сократились. Съ возвратомъ абсолютизма не возвратилась однако расточительность старой монархіи. По свойству своего характера человѣкъ строго экономный, Напэлеонъ никогда не смотрѣлъ на государственную казну, какъ на свою собственность. Въ этомъ отношеніи его финансовое управленіе выгодно отличалось отъ распоряженія финансами страны послѣднихъ трехъ королей Франціи. Не буду говорить о всѣмъ извѣстной баснословной роскоши Версальскаго двора при Людовикѣ XIV. Упомяну только о нѣкоторыхъ статьяхъ придворнаго бюджета, которыя показываютъ, какъ нелѣпо тратились государственныя деньги. Утренняя чашка кофе короля стоила въ годъ 2000 ливровъ; каждый переѣздъ двора изъ Версали въ Фонтенбло обходился 2 милліона, бульонъ для двухлѣтней дочери короля стоилъ 5121 ливръ въ годъ.

О такихъ тратахъ при Наполеонѣ и рѣчи быть не могло. При его дворѣ господствовалъ строгій контроль, и контролеромъ былъ онъ самъ: каждую недѣлю у него были доклады завѣдующихъ частями придворнаго хозяйства о произведенныхъ расходахъ. Онъ провѣрялъ отчеты и открывалъ имъ дальнѣйшіе кредиты. Онъ строго слѣдилъ за цѣнами всѣхъ поставокъ; на раутахъ онъ иногда распрашивалъ присутствующихъ, во что имъ обходится та или другая вещь, и не скрывалъ удовольствія, если узнавалъ, что ему она обходилась дешевле. Поѣздки въ Фонтенбло стоили теперь не 2 мил., а не болѣе 150.000 л. Liste civile Наполеона составлялъ 25 милл. франк.; изъ этой суммы, по словамъ Сегюра онъ тратилъ не болѣе 13—14 милл.; остальное откладывалось. До чего онъ входилъ въ мелочи своего придвор-

наго бюджета, можетъ показать слѣдующій случай. „Однажды, когда я вошелъ въ его (Наполеона) кабинетъ, говоритъ Шапталь, онъ мнѣ съ радостію сообщилъ, что онъ выигралъ на своихъ расходахъ 35.000 фр. въ годъ, Я его спросилъ, на чемъ онъ сдѣлалъ эту экономію? Онъ мнѣ отвѣтилъ: на кофе. Выпивается ежедневно 155 чашекъ; каждая чашка мнѣ стоитъ 20 су, что составляло 56.575 фр. въ годъ. (Сахаръ стоилъ тогда 4 фр. а кофе 5 фр. фунтъ). Я отмѣнилъ выдачу кофе и въ возмѣщеніе назначилъ 7 фр. и 6 денье. Я заплачу 21.164 фр. и съэкономничаю 35.000 фр.“.*)

Съ такою-же внимательностью относился онъ и къ смѣтамъ государственнымъ. Благодаря своей удивительной памяти цифръ, онъ отлично помнилъ статьи расхода, и всегда замѣчалъ разницу между статьями данной смѣты и прежнихъ, и допытывался о причинахъ. Малѣйшая непорядочность, или недобросовѣстность его глубоко возмущали и вызывали строгую кару. Можно было думать, судя по щедрости, съ которою Наполеонъ одарялъ своихъ приближенныхъ, что онъ легкомысленно раздавалъ казенныя деньги. Но это не такъ. Если онъ одаривалъ своихъ генераловъ, то онъ это дѣлалъ или на счетъ сбереженій бюджета своего двора, или же еще чаще на счетъ непріятеля. Если онъ затѣмъ любилъ видѣть, чтобы одаренныя имъ лица много тратили, то это происходило потому, что, по его мнѣнію, эти расходы на предметы роскоши и драгоцѣнности давали пищу промышленности и художникамъ.*). Предразсудокъ довольно распространенный въ то время.

Въ виду приведенныхъ данныхъ можно сказать, что если Франція, жаждая порядка, отступилась отъ принциповъ политической свободы, которые, впрочемъ, не выходили еще изъ области теорій,—то во внутренней политикѣ Наполеона она нашла то, чего искала; порядокъ былъ упроченъ, а государственная машина стала окупать затраты, которыя на нее

---

*) Chaptal. Mes. souvenirs. p. 335. Показаніе Сегюра приведено у Levy. Napoleon, Intime p. 649.

*) Chaptal, ibid p. 338.

дѣлались. Если бремя этихъ затратъ стало со временемъ очень тяжелымъ, то это главнымъ оразомъ, благодаря внѣшней политикѣ Наполеона.

Внѣшняя политика Наполеона представляетъ странное сочетаніе преслѣдованія практическихъ интересовъ Франціи съ его собственными, часто фантастическими планами. Эти послѣдніе, по мѣрѣ слѣдованія его по пути успѣховъ, занимаютъ все болѣе и болѣе мѣста въ его воображеніи. Его политикой часто, казалось, руководили воспоминанія о завоеваніяхъ Александра Македонскаго или объ имперіи Карла Великаго, но для яснаго пониманія связи между этими фантазіями и стремленіями французскаго общества, припомнимъ тенденціи французской политики во время революціи.

Въ началѣ ея Пруссія, Австрія и Сардинія смотрѣли на французскія дѣла, какъ на благопріятный предлогъ для территоріальныхъ захватовъ, подъ видомъ возстановленія монархическаго принципа. По договору 92 г. Пруссія и Австрія вступили въ союзъ для крестоваго похода на Францію. Вознагражденіе было обусловлено: первая получала Бельгію, уступая второй Баварію и часть Пфальца.

Эти вожделѣнія не удались. Походъ 1792 г. окончился полной неудачей; началось обратное движеніе, распространеніе французской республики за ея предѣлы при старой монархіи. Оно прикрывалось съ своей стороны идеей пропаганды правъ человѣка и гражданина и связанной съ ними эмансипаціей народовъ. На практикѣ, однако, мирные трактаты оканчивались либо присоединеніемъ территорій, либо образованіемъ Лигурійской, Цизальпинской и другихъ республикъ на отнятой у противниковъ территоріи, республикъ, служившихъ политически продолженіемъ Франціи и усиливавшихъ ея вліяніе. И въ томъ и другомъ движеніи подъ знаменемъ монархическихъ и республиканскихъ тенденцій скрывалось желаніе территоріальнаго распространенія и усиленія на счетъ сосѣдей.

Съ другой стороны, борьба Англіи противъ Франціи во время революціи имѣетъ своимъ основаніемъ отношенія, вытекшія изъ Семилѣтней войны. Англія нанесла ударъ фран-

цузскому колоніальному могуществу, какъ въ Азіи, такъ и въ Америкѣ и становится тамъ на ея мѣсто. Франція не могла съ этимъ помириться и пользуется случаемъ возстанія Сѣверо-Американскихъ колоній, чтобы ослабить усиливающееся морское могущество Англіи.

Обладаніе портами Бельгіи издавна, еще министрами Елизаветы разсматривалось въ Англіи, какъ грозная опасность для послѣдней. Поэтому политика Англіи, скорѣе благопріятная Франціи въ началѣ революціи, поскольку послѣдняя, какъ предполагалось, должна ослабить ее, быстро перемѣняетъ фронтъ, какъ только первые удары юной республики поражаютъ коалицію Пруссіи и Австріи и завершаются вторженіемъ французскихъ войскъ въ Бельгію. Тутъ начинается борьба, которая напоминаетъ ту, которая происходила при Людовикѣ XIV и которая является продолженіемъ той, которую видѣла вторая половина XVIII вѣка. Отсюда-же вытекаетъ и борьба Англіи съ Франціей при Наполеонѣ и его континентальная система, какъ орудіе противъ промышленной и торговой силы Англіи.

Такимъ образомъ, борьба Наполеона съ европейскими континентальными государствами и его непримиримая вражда къ Англіи находятся въ тѣсной связи съ политическими традиціями французскаго общества, существовавшими до Революціи. При этомъ однако мы должны отмѣтить, что у Наполеона была и личная ненависть къ англичанамъ, бывшая результатомъ его столновенія съ ними или вѣрнѣе съ ихъ сторонниками на Корсикѣ въ самомъ началѣ его карьеры. Эта антипатія переплелась съ традиціонным экономическимъ и политическимъ антагонизмомъ Франціи съ Англіей.

Главною цѣлью континентальной системы, если не сказать главнымъ объектомъ внѣшней политики Наполеона, было уничтоженіе морского и торговаго могущества Англіи и, между прочимъ, нанесеніе ей рѣшительнаго удара тамъ, гдѣ она нанесла его Франціи, т. е. въ Индостанѣ. Это стремленіе красной нитью проходитъ черезъ всю внѣшнюю политику Наполеона и во многомъ разъясняетъ ея отдѣльные эпизоды.

Еще во время итальянскаго похода, добравшись до Адріатики, онъ посылаетъ корабль для занятія Корфу и пишетъ директоріи о необходимости завладѣть Мальтой и Сициліей для вытѣсненія англичанъ изъ Средиземнаго моря.— Экспедиція въ Египетъ является первымъ шагомъ въ грандіозномъ и фантастическомъ планѣ похода въ Индію.

Будучи консуломъ—онъ приготовляетъ къ осуществленію смѣлый планъ высадки въ Англію, чтобы напасть на нее дома и тамъ нанести ей смертельную рану. Этотъ планъ разрушился. Наполеонъ одновременно получилъ извѣстія объ отступленіи эскадръ Вильнева изъ Ферроля, по направленію къ Кадиксу и о томъ, что Австрія приступила къ коалиціи. Пришлось, вмѣсто Англіи, принять, какъ театръ дѣйствій, Германію и Австрію.

Результатъ коалиціи разрушилъ надежды противниковъ Наполеона. На поляхъ Аустерлица, Іены и Фридланда надолго была отнята у европейскихъ государствъ надежда на возможность борьбы съ Наполеономъ. Еще болѣе неожиданный поворотъ въ политикѣ вызвалъ Тильзитскій союзъ. Союзъ этотъ былъ разультатомъ стараній Наполеона. Какая цѣль руководила имъ въ стараніяхъ привлечь императора Александра къ союзу съ Франціей?

Вернемся назадъ. Всѣ его попытки поразить Англію были до сихъ поръ неудачны. Египетскій походъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на средство утвердиться на Средиземномъ морѣ и какъ на первый этапъ по дорогѣ въ Индію, не удался; высадка въ Англію не состоялась. Главная сила Англіи, основаніе ея мірового господства, состояла въ ея флотѣ. Ослабленіе ея торгового флота отозвалось бы и на военномъ.

Сила англійскихъ финансовъ главнымъ образомъ зависѣла отъ развитія англійской торговли и промышленности. Такимъ образомъ все, что прекращало или сокращало англійскую торговлю, равнялось пораженію Англіи. Единственною изъ континентальныхъ державъ, хотя и потерпѣвшею пораженіе, но сохранившею свою силу и оставшеюся на ногахъ,

была Россія. Она же представляла собою огромный рынокъ для продуктовъ англійской промышленности.

Втянуть ее въ сферу французскихъ интересовъ значило обезпечить удовлетвореніе послѣднихъ и нанести еще одинъ сильный ударъ Англіи. И вотъ однимъ изъ условій договора съ Россіей было присоединеніе ея къ знаменитой континентальной системѣ, закрывавшей порты Европы для англійскихъ кораблей. Англія отвѣтила на это блокадой всѣхъ береговъ, но убытки англійской промышленности были все таки значительны, хотя и не въ той степени, какъ надѣялся Наполеонъ, не слишкомъ свѣдущій въ вопросахъ политической экономіи.

Безъ предметовъ англійской торговли обойтись нельзя было. Поэтому, вмѣсто торговли явной, началась тайная англійскими товарами и приняла огромные размѣры; контрабанда стала почти вездѣ патріотическимъ дѣломъ, на которое мѣстныя власти смотрѣли крайне снисходительно.

Невозможность полнаго проведенія плана императора даже въ самой Франціи доказывали многочисленныя разрѣшенія (licences), дававшіяся Наполеономъ въ частныхъ случаяхъ на ввозъ тѣхъ или другихъ товаровъ изъ Англіи. Что же касается сношеній Англіи съ ея колоніями или же странами внѣ европейскими, а также съ тѣми изъ европейскихъ, которыя, какъ Турція или Испанія, не принадлежали къ континентальной системѣ, то конечно, при слабости французскаго флота, Наполеонъ не могъ имъ помѣшать.

Если континентальная система и подрывала благосостояніе Англіи, если она и не была въ той-же степени выгодна для промышленности Франціи, которая получила для своихъ произведеній новые рынки, закрытые для англійскихъ товаровъ, то для всей Европы, въ особенности для Россіи, она была весьма убыточна. Поднятіе цѣнъ на англійскія произведенія, доходившія только въ небольшомъ количествѣ контрабандными путемъ, а также и вообще на всѣ заграничные предметы, лишенные вслѣдствіе блокады дешевой морской перевозки и доставляемые гужемъ, было очень чувствительно для всѣхъ потребителей. Наоборотъ, закрытіе моря для продук-

товъ земледѣлія, по существу своему невыносящихъ расхода на гужевую перевезку, наносило огромный убытокъ землевладѣльцамъ, лишая ихъ рынка. Такое земледѣльческое государство, какъ Россія, не могло не чувствовать особенно сильно этого ущерба.

Но Наполеонъ понималъ важность участія Россіи въ континентальной системѣ и всѣми силами старался удержать ее въ этомъ союзѣ. Когда одна таможенная война оказалась не въ силахъ сломить Англію, онъ возвращается снова къ своей мечтѣ о походѣ въ Индію съ цѣлью напасть на Англію въ источникѣ ея богатства; эта мечта, захватывавшая собою планы раздѣла Турціи, покоренія передней Азіи и Ирана, была грандіозна до фантастичности; но, можетъ быть, и не совсѣмъ неосуществима.

Чтобы побудить Россію и Австрію принять участіе въ этомъ грандіозномъ предпріятіи и продолжать выносить тягость континентальной системы, онъ не скупился на важныя уступки. Онъ предлагалъ раздѣлъ Европейской Турціи: Балканскій полуостровъ дѣлился между Франціей и Россіей а, можетъ быть Австріей и Россія должна была получить давно желанныя мѣста: Дунайскія княжества, восточную часть полуострова и Константинополь; засимъ Наполеонъ предоставлялъ ейрасшириться въ Финляндіи на счетъ Швеціи.

Императоръ Александръ не безъ увлеченія относился къ этому плану. Казалось, что при такихъ условіяхъ союзъ между Франціей и Россіей пріобрѣталъ солидныя основанія; но при самомъ заключеніи тильзитскаго мира въ отношеніяхъ между союзниками появилась черная точка, сначала едва замѣтная, но тѣмъ не менѣе опасная. Это было образованіе изъ части Прусскихъ владѣній Герцогства Варшавскаго, находившагося въ личной уніи съ Саксонскимъ Королевствомъ.

Образованіе этого герцогства возбудило надежды поляковъ на возстановленіе Польши и вызвало тревогу среди русскихъ политическихъ дѣятелей; они тоже увидѣли въ этомъ возникновеніе польскаго вопроса. Это пятно на политическомъ горизонтѣ грозило разростись и довести союзныя дер-

жавы до разрыва, въ особенности, когда выгоды, ожидавшіяся отъ Тильзитскаго трактата, становились все болѣе проблематичными и отдаленными, а потери отъ континентальной системы дѣлались все болѣе значительными и ощутительными. Нужны были большія и очевидныя выгоды, чтобы удержать Россію въ союзѣ. Нужно было торопиться съ исполненіемъ начертанныхъ плановъ. Посланы были военныя экспедиціи для изслѣдованія путей черезъ Малую Азію и Персію. На Іоническихъ островахъ и Адріатическомъ побережьи сдѣланы большія приготовленія;*) но этимъ планамъ не суждено было осуществиться. Наполеона отвлекли отъ нихъ испанскія дѣла.

Упорство, съ какимъ онъ проводилъ континентальную систему въ Испаніи, хотя жалкое состояніе ея торговли не оправдывало этой настойчивости, вмѣшательство въ ея политическую жизнь и возведеніе на ея престолъ Іосифа Бонапарта—все это вызвало взрывъ народнаго негодованія и протестъ національной гордости. Началась народная война, покончить съ которой такъ и не удалось Наполеону.

При такихъ условіяхъ планы на востокѣ приходилось отложить до болѣе благопріятнаго времени, а между тѣмъ Россія все настойчивѣе добивалась болѣе опредѣленной постановки восточнаго вопроса и видимо нетерпѣливо относилась къ тягостямъ союза, не дававшаго ближайшихъ выгодъ. Необходимо было удержать ее въ союзѣ и закрѣпить послѣдній новымъ свиданіемъ, тѣмъ болѣе, что было несомнѣнно, что Австрія вооружается и готовится къ нападенію на Францію, желая воспользоваться затрудненіями Наполеона въ Испаніи.

Таковы были причины, побудившія Наполеона добиться свиданія въ Эрфуртѣ. Это свиданіе было блистательно. Наполеонъ употребилъ весь свой геній, чтобы очаровать союзника и удивить Европу блескомъ своего величія. Три вопроса были предметомъ переговоровъ между Наполеономъ и Александромъ I: Турецкій, Австрійскій и Англійскій. Пер-

---

*) Vandal. Napoleon et Alexandre I-er. t. I. chap. VIII et X.

вый изъ нихъ обсуждался не въ широкомъ объемѣ, какъ это было послѣ Тильзитскаго мира; Наполеонъ понималъ невозможность осуществленія раздѣла при наличныхъ условіяхъ. Александръ I и его министръ Румянцевъ находили, что, можетъ быть, лучше ограничиться требованіемъ уступки сейчасъ Молдавіи и Валлахіи, чѣмъ ангажировать будущее договоромъ о будущемъ раздѣлѣ. Наполеонъ уступилъ въ этомъ вопросѣ, предоставивъ Россіи расширить свои границы до Дуная.

Какъ въ планахъ о раздѣлѣ Турціи, такъ и въ этомъ согласіи Наполеона на отчужденіе значительной части территоріи Турціи, мы видимъ серьезное уклоненіе отъ стародавнихъ традицій французской политики по отношенію къ послѣдней. Франція всегда, еще съ XVI столѣтія являлась неизмѣнной союзницей Турціи, и не разъ русская политика на Балканскомъ полуостровѣ сталкивалась съ враждебною себѣ политикою Франціи, поддерживавшей Турцію. Теперь Франція подъ руководствомъ Наполеона не только не поддерживаетъ Турцію, но даже сама проэктируетъ раздѣлъ ея.

Такой поворотъ не былъ плодомъ каприза Наполеона. Пока Франція господствовала на Средиземномъ морѣ, пока ея Левантская торговля не имѣла соперниковъ, до тѣхъ поръ она была заинтересована въ сохраненіи status quo въ Турціи. Но со времени захвата Гибралтара и потомъ Мальты англичанами, съ того момента, какъ они получаютъ преобладаніе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, а ихъ флотъ становится сильнѣе французскаго, интересъ Франціи къ Турціи ослабѣваетъ и отношеніе къ ней должно было перемѣниться. Ея выгода даже являлась въ томъ, чтобы выдвинуть противъ Англіи новаго противника, который ослабилъ бы ея преобладаніе. Наполеонъ понялъ это измѣнившееся положеніе вещей и жертвуетъ Турціей союзу съ Россіей.

Австрійскій вопросъ заключался въ томъ, какъ отнестись къ вооруженіямъ Австріи. Наполеону стало извѣстно о союзѣ Австріи съ Англіей. Этотъ союзъ, въ виду испанскихъ замѣшательствъ, еще болѣе разстраивалъ планы Наполеона. Поэтому онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить Импе-

ратора Александра давленіемъ на Австрію удержать ее отъ всякихъ враждебныхъ поползновеній. Но Александръ съ крайнимъ упорствомъ отказывался отъ всякаго вмѣшательства въ Австрійскія дѣла; онъ увѣрялъ даже Наполеона, что свѣдѣнія, полученныя имъ, ложны, что вооруженія Австріи носятъ исключительно оборонительный характеръ, что, наконецъ, онъ не можетъ требовать отъ Австріи разоруженія, не нарушая ея верховнаго права распоряжаться у себя дома по своему усмотрѣнію. Наполеонъ приводилъ массу аргументовъ, чтобы доказать невыгоду войны Австріи съ Франціей для Россіи; ему отвѣчали, что войны никогда не будетъ, если не раздражать Австріи.

Эти дебаты, въ которыхъ онъ встрѣчался съ непоколебимымъ упорствомъ Императора Александра I-го, упорствомъ, причины котораго онъ не понималъ, сильно его раздражали. Онъ старался сдерживать себя; но разъ дѣло дошло до бурной сцены. Когда по обыкновенію они ходили, разговаривая, взадъ—впередъ по кабинету Наполеона, бесѣда приняла характеръ рѣзкаго спора. Наполеонъ вышелъ изъ себя, бросилъ шляпу на полъ и сталъ топтать ее ногами. Александръ I остановился, помолчалъ нѣсколько секундъ и сказалъ покойно, улыбаясь: „вы вспыльчивы, а я упрямъ; гнѣвомъ со мною ничего нельзя сдѣлать. Будемъ бесѣдовать, разсуждать, или же я ухожу“. И онъ направился къ двери. Наполеонъ вынужденъ былъ остановить его и возобновить разговоръ въ мирномъ, даже дружественномъ тонѣ, хотя съ такимъ же малымъ успѣхомъ.

Упорство союзника Наполеона имѣло тайныя пружины. Еще раньше пріѣзда Наполеона въ Эрфуртъ туда прибылъ Талейранъ. Онъ не только не содѣйствовалъ своему государю; но тайно дѣйствовалъ противъ него. Онъ велъ сношенія съ русскими государственными людьми и внушалъ имъ мысль о необходимости сопротивляться Наполеону, непомѣрное честолюбіе котораго опасно для свободы Европы и для самой Франціи. Онъ видѣлся и съ Александромъ I и въ бесѣдѣ съ нимъ поставилъ вопросъ такъ: „Государь! зачѣмъ Вы пожаловали сюда? Вамъ суждено спасти Европу, и Вы мо-

жете достигнуть этого, только сопротивляясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ; его государь нѣтъ. Государь Россіи цивилизованъ, его народъ нѣтъ; русскому Государю, значитъ, надо быть союзникомъ народа французскаго“.

Онъ самъ сообщалъ Меттерниху объ этой своей рѣчи къ Александру I. Далѣе онъ прямо и черезъ другихъ внушалъ Александру I, что всѣ усилія Наполеона разоружить Австрію есть результатъ его честолюбія; разъ онъ этого достигнетъ, онъ уничтожитъ единственный барьеръ, стоящій между нимъ и Россіей. Такимъ образомъ, въ умѣ императора Александра составилась идея, что Австрія вооружается со страху передъ Наполеономъ, что увѣренія послѣдняго относительно опасности предстоящей войны придуманы съ цѣлью добиться давленія на Австрію въ интересахъ ея разоруженія. Чѣмъ увѣреннѣе былъ онъ въ вѣрности этой мысли, тѣмъ упорнѣе онъ отказывался отъ совмѣстнаго дѣйствія на Австрію.

Наполеонъ вынужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что по отношенію къ Австріи Россія заключила съ нимъ оборонительный союзъ и что оба государя сдѣлаютъ представленія Австріи въ пользу мира. Такимъ образомъ, измѣна Талейрана была серьезной причиною нежеланія императора Александра произвести давленіе на Австрію, чтобы предотвратить войну. Талейранъ не остановился на этомъ. Онъ передалъ Меттерниху свой разговоръ съ Александромъ и увѣрилъ его, что въ случаѣ войны Франція не получитъ никакой поддержки отъ Россіи. Это было прямое поощреніе къ войнѣ. Чѣмъ можно объяснить подобную измѣну?

Личное раздраженіе могло играть здѣсь нѣкоторую роль: въ послѣднее время Наполеонъ пересталъ слѣдовать совѣтамъ Талейрана, и вліяніе его уменьшилось. Но гораздо сильнѣе здѣсь говорило можетъ быть тонкое чутье Талейрана, дававшее ему возможность раньше всѣхъ направлять свой корабль по вѣтру. Онъ подмѣчалъ раздраженіе, вызванное безостановочнымъ стремленіемъ Наполеона къ владычеству

надъ Европой, почуялъ приближеніе реакціи и соединенной съ нею опасности и постарался отдѣлить свою судьбу отъ судьбы Наполеона. Не лишено вѣроятности и то соображеніе Вандаля, что возбуждая сопротивленіе Наполеону онъ надѣялся сдержать его честолюбіе и удержать его въ предѣлахъ предпріятій возможныхъ и разумныхъ.

Но вся политика Талейрана въ Эрфуртѣ была основана на совершенно ошибочномъ предположеніи, что съ Англіей можно войти въ соглашеніе, сохраняя силу Австріи; тогда какъ Англія, какъ показали событія, не согласна была ни на какія сдѣлки, пока у нея была какая либо точка опоры въ Европѣ. Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Эрфурта, отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Австріи.

Вопросъ Англійскій заключался въ томъ, чтобы побудить Англію къ миру на условіи признанія совершившихся на континентѣ территоріальныхъ перемѣнъ. И въ этомъ вопросѣ не оказалось единодушія между союзниками. Хотя они и согласились адрессовать Англіи одновременно ноты одинаковаго содержанія; но характеръ нотъ оказался весьма различнымъ, и это различіе изобличало различіе во взглядахъ и въ настроеніи союзниковъ.

Несогласія между союзниками были извѣстны весьма немногимъ, близкимъ къ нимъ людямъ; всѣ тѣ, кто стоялъ дальше, видѣли, напротивъ, вполнѣ дружественныя отношенія двухъ императоровъ; они проводили все время вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ показывались въ публикѣ, вмѣстѣ катались, вмѣстѣ отправлялись на охоту, вмѣстѣ бывали въ театрѣ, словомъ, какъ будто старались показать публикѣ, какъ рады они быть въ обществѣ одинъ другого. Не было недостатка и въ эффектныхъ сценахъ. На одномъ изъ торжественныхъ представленій, которыя давала въ Эрфуртѣ доставленная нарочно сюда труппа „Французской Комедіи“ (Comedie Française) поставили „Эдипа“ Вольтера. Въ театрѣ присутствовали, кромѣ двухъ императоровъ, сидѣвшихъ рядомъ, короли Баварскій, Виртембергскій, Вестфальскій и Саксонскій.

Когда актеръ произнесъ этотъ стихъ: „L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux“, императоръ Алек-

сандръ поднялся и съ живостью пожалъ руку Наполеону. Это движеніе, подсказанное удачною мыслью, подхваченное съ энтузіазмомъ присутствовавшею публикою и отмѣченное исторіей, казалось не простымъ заявленіемъ; въ немъ увидѣли освященіе соглашенія и торжественное возобновленіе союза.

Но не эти внѣшнія проявленія вліяли на взаимныя политическія отношенія, а именно тѣ никому почти невидимыя разногласія. И Наполеонъ, и Александръ уѣхали изъ Эрфурта съ чувствомъ неудовлетворенности, съ сознаніемъ, что узы теперь слабѣе, чѣмъ были послѣ Тильзита. Особенно это рѣзко чувствовалось, когда рѣчь шла о присутствіи французскихъ гарнизоновъ въ герц. Варшавскомъ. Эта черная точка на союзѣ, успѣла уже вырости и стать порядочнымъ пятномъ, весьма замѣтнымъ на политическомъ горизонтѣ. Наполеонъ приписывалъ происшедшія перемѣны въ отношеніяхъ испанскимъ дѣламъ. Свою политику въ Испаніи онъ считалъ причиной возникшаго недовѣрія и даже громко высказывалъ между своими, что эта „испанская чертовщина“ ему дорого обходится. Но онъ былъ правъ только отчасти; онъ не понималъ, что его господство начинаетъ тяготить Европу, и что противъ него начинаютъ подниматься весьма многочисленные общественные интересы. И дѣйствительно. Эрфуртское свиданіе было концомъ политическихъ успѣховъ Наполеона. Оно было зенитомъ, до котораго дошла его, а съ нимъ и французская гегемонія въ Европѣ. Съ этаго момента начинается спускъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе быстрый.

Вскорѣ послѣ свиданія началась война съ Австріей по иниціативѣ послѣдней, возможность которой искренно или нѣтъ отрицали императоръ Александръ и Талейранъ. Согласно конвенціи приняла въ ней участіе и Россія, но дѣйствія ея въ Галиціи имѣли одну цѣль: избѣжать встрѣчи съ непріятелемъ. Иначе отнеслись къ требованію Наполеона поляки герцогства Варшавскаго Они захватили Краковъ и часть Галиціи, радуясь возможности возвратить часть старыхъ польскихъ провинцій. Тутъ и русскія войска выказали энергію. Они поспѣшили вступить въ Краковъ вмѣ-

стѣ съ поляками, и послѣ побѣды при Ваграмѣ Наполеонъ долженъ былъ разбирать взаимныя претензіи своихъ союзниковъ.

При заключеніи мира онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ долженъ былъ вознаградить единственныхъ искреннихъ своихъ союзниковъ—поляковъ, но сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждая пядь земли, присоединенная къ Варшавскому Герцогству, отзывалась на его отношеніяхъ къ Россіи. Миръ не удовлетворилъ никого, въ томъ числѣ и Францію.

Онъ далъ, кромѣ того, новый толчекъ польскому вопросу. Въ дипломатической перепискѣ, приведенной у Вандаля въ его сочиненіи „Наполеонъ и Александръ I“ мы видимъ, что этотъ вопросъ поглощаетъ теперь наибольшую часть вниманія политиковъ, заглушаетъ всѣ другіе интересы. Россія опасается за результаты своей многовѣковой борьбы и требуетъ отъ Наполеона обязательства никогда не допустить возстановленія Польши. Наполеонъ готовъ обѣщать, что ни прямо, ни косвенно онъ не будетъ содѣйствовать этому; но не могъ ручаться за будущее и не хотѣлъ обязаться противодѣйствовать этому возстановленію, если бы оно совершилось помимо его участія.

Вандаль думаетъ, что Наполеонъ не намѣревался возстановить Польшу, но смотрѣлъ на Варшавское Герцогство, какъ на полезную всегдашнюю угрозу своему союзнику, какъ на аванпостъ Франціи, „какъ на остріе шпаги, которые всегда можно дать почувствовать“, когда нужно.

Еще болѣе испортилъ отношенія Наполеона къ Россіи проектъ его брака съ Анной Павловной, сестрой Александра I. Когда Коленкуръ началъ частные переговоры по этому вопросу, ему отвѣчали, что рѣшеніе дѣла зависитъ отъ вдовствующей императрицы и указывали на крайнюю молодость великой княжны. Затѣмъ переговоры оживились, приняли официальный характеръ. Коленкуръ, передавая Наполеону свои разговоры съ Императоромъ, увѣрялъ, что дѣло идетъ успѣшно, но Наполеонъ, болѣе проницательный, видѣлъ въ фразахъ Императора Александра совсѣмъ иной смыслъ. Въ началѣ

Февраля 1810 года Коленкуръ прислалъ Наполеону донесеніе о переговорахъ и свое заключеніе, изъ котораго вытекало, что рѣшительное согласіе будетъ объявлено при слѣдующемъ свиданіи, долженствовавшемъ быть черезъ нѣсколько дней. Наполеонъ увидѣлъ изъ этого донесенія, что слѣдующій курьеръ привезетъ ему отказъ; тогда онъ обратился къ Австріи, гдѣ былъ увѣренъ въ благопріятномъ пріемѣ. Еще въ Ноябрѣ 1809 года, тотчасъ же послѣ войны, Меттернихъ въ разговорѣ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Лабордомъ ясно высказалъ мысль о возможности семейныхъ связей между Австріей и Франціей.

Въ самый разгаръ сватовства Наполеона въ Петербургѣ, въ Декабрѣ 1809 года на одномъ изъ послѣднихъ раутовъ, которые давала императрица Жозефина предъ разводомъ, когда послѣдній уже былъ рѣшенъ, сенаторъ Семонвиль, разговаривая съ секретаремъ австрійскаго посольства Флоретомъ, своимъ старымъ знакомымъ, по поводу развода и русскаго сватовства, которое считалъ дѣломъ рѣшеннымъ, сказалъ: „кажется это дѣло сдѣлалось вслѣдствіе того, что вы не хотѣли его дѣлать“. „Кто вамъ это сказалъ“? „Такъ думаютъ всѣ. Развѣ это не такъ“?—„Почему нѣтъ?“ „Развѣ, сказалъ Семонвиль, вы были-бы расположены дать одну изъ вашихъ эрцгерцогинь?“ „Да“ „Кто? Вы-то, положимъ такъ, но вашъ посланникъ? (князь Шварценбергъ). „Я за него отвѣчаю“.—„А Меттернихъ?“—„Безъ всякихъ затрудненій“.—„А Императоръ?“—„Не болѣе“.—„А теща, которая насъ ненавидитъ?“ „Вы ее не знаете. Она женщина честолюбивая; ее убѣдятъ, когда и какъ захотятъ“. Пораженный сообщеніемъ, Семонвиль черезъ нѣсколько минутъ спросилъ: „Могу-ли я считать вѣрнымъ то, что вы мнѣ сообщили?“—„Можете“—„Слово друга?“ „Слово друга“. Послѣ этого разговора Семонвиль отправился прямо къ герц. Бассано, начальнику кабинета Наполеона и сообщилъ ему его. Тотъ записалъ его подъ его диктовку и утромъ на другой день передалъ Наполеону.

Такимъ образомъ Наполеону было извѣстно о готовности Австрійскаго двора породниться съ нимъ. Когда въ началѣ

февраля (5-го) получены были донесенія Коленкура, изъ которыхъ для Наполеона было ясно, что слѣдующій курьеръ привезетъ отказъ, онъ рѣшилъ предупредить отказъ и обратиться съ своимъ сватовствомъ къ Австріи, въ согласіи которой не было сомнѣнія, такъ что отказъ Россіи засталъ уже его съ согласіемъ Шварценберга на бракъ съ австрійской принцессой. Депеша Наполеона къ Коленкуру съ отказомъ отъ сватовства и другая депеша, посланная 2 часами позже съ извѣщеніемъ объ австрійскомъ сватовствѣ, скрестились въ дорогѣ съ русскимъ курьеромъ, везшимъ отказъ Наполеону въ формѣ отсрочки дѣла на два года.

Бракъ Наполеона еще болѣе омрачилъ отношенія между союзниками, уже испорченныя турецкими и польскими дѣлами.

Перейдемъ теперь къ событіямъ 1811 г. Континентальная система стала невыносимой для Россіи; вслѣдствіе этого правительство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы на ввозъ англійскихъ товаровъ, торговля которыми подъ видомъ товаровъ нейтральныхъ державъ, стала очень оживленною. Наполеонъ протестуетъ; но ему возражаютъ ссылкой на примѣръ самой Франціи, на его собственныя разрѣшенія (licences) ввоза тѣхъ или другихъ англійскихъ товаровъ. Рядомъ съ недоразумѣніями по поводу континентальной системы все шире разростается антагонизмъ по поводу Польши. Предвидя столкновеніе съ Франціей, Императоръ Александръ заботится о созданіи для Россіи благопріятнаго ей настроенія въ Варшавскомъ Герцогствѣ. Онъ входитъ съ этою цѣлью въ переговоры съ Чарторыйскимъ и другими польскими магнатами, обѣщая имъ политическія выгоды для ихъ отечества отъ союза поляковъ съ Россіей. Онъ ставитъ имъ на видъ возможность автономнаго существованія Польши подъ эгидой Россіи. Русскіе эмиссары, посланные въ Герцогство, склоняли поляковъ къ этой мысли. Наполеонъ зналъ объ этихъ происках и съ своей стороны тоже пропагандировалъ необходимость сохраненія связи поляковъ съ Франціей. Агенты той и другой стороны натыкались другъ на друга, слѣдили за своими противниками и доносили своимъ

правительствамъ. Все это вмѣстѣ съ нѣкоторыми инцидентами настолько обострило отношенія, что неизбѣжность войны стало очевидной. Императоръ Александръ составилъ планъ предупредить Наполеона въ нападеніи и вторгнуться въ Германію раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сосредоточить силы. Вслѣдствіе этого, не ожидая окончанія войны съ Турціей, онъ собираетъ на западной границѣ 200000 войска, тогда какъ у Наполеона въ Германіи было тогда не болѣе 60000 человѣкъ. Наполеонъ понялъ, что достаточно искры, чтобы разгорѣлась война, и сталъ быстро мобилизировать великую армію. Желалъ-ли онъ этой войны? Нѣтъ. Могъ-ли онъ избѣжать ея? Нѣтъ. Къ ней побуждала его роковая необходимость—Польскій вопросъ и вся его политика:—континентальная система, владычество въ Европѣ и грандіозные планы. Небольшая, но удачно написанная книжка „Les monologues de Napoleon“ изображаетъ его во время перехода черезъ Нѣманъ. Въ головѣ его роятся мысли о томъ, куда онъ идетъ и что его ждетъ?

„Предоставимъ вѣрить всѣмъ, говоритъ авторъ отъ имени Наполеона, друзьямъ и недругамъ, что у меня и на этотъ разъ есть планъ, какъ это бывало въ другія кампаніи.

Истина въ томъ, что сегодня я отдаюсь съ завязанными глазами богинѣ, не зная, куда она поведетъ меня. Я направляюсь на Москву, въ Азію, вотъ и все.—Вотъ и весь мой объективъ, а вѣдь это мало въ самомъ дѣлѣ. Я не знаю, какое сопротивленіе я встрѣчу, до какихъ поръ я дойду?... Съ кѣмъ я имѣю дѣло? Съ государемъ-ли только и съ дворомъ, или же и съ народомъ? Я ничего не знаю.

Если-бы я былъ русскимъ государемъ, чтобы я сдѣлалъ въ виду такого нашествія. Пустыню. Пусть же онъ меня не дожидается!

Возвращаться назадъ уже невозможно. Впередъ, въ неизвѣстность!“

Но очень скоро оказалось, что Наполеонъ имѣетъ дѣло не съ правительствоиъ только, но и съ народомъ. Маршалъ Жюно послѣ Смоленска писалъ своей женѣ: мы вошли въ Испанію, только безпредѣльную. Наполеонъ искалъ генераль-

наго сраженія; онъ нашелъ его наконецъ на поляхъ Бородина и одержалъ побѣду. Но эта побѣда стоила пораженія. Графъ Толстой превосходно характеризуетъ бородинскій бой и его значеніе.

Несмотря на извѣстіе о нѣкоторомъ успѣхѣ, Наполеонъ видѣлъ, что все это было не то, что было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что тоже чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ окружающіе его люди, опытные въ дѣлѣ сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга... Наполеонъ послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, что значило въ продолженіе 8 часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь,—на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе—погубить его и его войска.

Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное множество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой гибели охватываетъ безпомощнаго человѣка.

Онъ видѣлъ невиданное зрѣлище. Предъ нимъ стояла армія, которая въ теченіи 8 часовъ потеряла половину своихъ солдатъ и все таки продолжала стоять.—Это было похоже на привидѣніе.

„Не одинъ Наполеонъ, говоритъ графъ Толстой, испытывалъ, то похожее на сновидѣніе чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ) испытывали оди-

наковое чувство ужаса предъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ также грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ.“

„Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ бѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель, но оно не могло остановиться, также какъ и не могло отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны.“

Такъ совершилось разложеніе великой арміи.

Въ видѣ безпорядочной толпы она начинаетъ тянуться по старой разоренной смоленской дорогѣ, при чемъ голодъ, холодъ, болѣзни и нападенія партизановъ, дѣлаютъ изъ этого похода такую классическую картину бѣдствія войска, подобная которой рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ военной исторіи. Вторая армія Наполеона гибнетъ на поляхъ Лейпцига, и начинается кампанія 1814 г.

Начиная ее, Наполеонъ понималъ невозможность съ 60 тыч. войска, большею частью рекрутъ, бороться съ 600.000 тыч. человѣкъ, выставленныхъ противъ него европейской коалиціей. Но во Франкфуртѣ онъ отказался отъ мира, по которому границей Франціи долженъ былъ служить Рейнъ, а въ Шатильонѣ уже союзники не приняли этихъ условій.

Эта борьба Франціи и Наполеона, тѣсно соединившихся въ послѣднихъ усиліяхъ борьбы противъ вторженія, представляетъ блестящую страницу политической и военной роли Наполеона.

Въ Наполеонѣ 1814 года воскресъ Бонапартъ итальянской кампаніи съ его живостью, быстротой соображенія, рѣшительностью и геніальностью комбинацій. Но всѣ усилія генія разбивались о численное превосходство противниковъ, а иногда и объ несчастное стеченіе обстоятельствъ.

Авторъ упомянутыхъ выше „Монологовъ“ такъ характеризуетъ положеніе и настроеніе Наполеона въ эту пору. Полуразрушенная хижина, открытая со всѣхъ сторонъ бурѣ съ дождемъ и снѣгомъ, служитъ убѣжищемъ Императору; онъ стоитъ передъ огнемъ, колеблемымъ, вѣтромъ. Гренадеры едва держутъ передъ нимъ развернутыя карты. Среди маршаловъ и офицеровъ свиты стоитъ бѣдная крестьянка, опершись въ стѣну своей убогой хижины и держа въ рукахъ ребенка.

Кругомъ стоятъ молчаливые и сумрачные ряды войскъ повернувшись спиною къ бурану. Широкій горизонтъ теряется во мглѣ. Всѣ взоры обращены на Императора, который держитъ въ рукахъ депешу. Ее привезъ герц. Бассано отъ Коленкура, уполномоченнаго Наполеона въ Шатильонѣ. Наполеонъ стоитъ молчаливый съ мрачнымъ взглядомъ, сжавъ губы: „Миръ! Коленкуръ въ послѣдній разъ умоляетъ меня принять условія, предъявляемыя союзниками“... „Мое рѣшеніе непоколебимо. Миръ унизительный, Франція, возвращенная къ границамъ старой монархіи, это будетъ завтра дѣломъ Бурбоновъ. Франція ихъ предковъ, можетъ быть для нихъ достаточною, но не для меня.

—„Миръ былъ бы для меня шагомъ назадъ; но я не отступаю. Имъ не сдвинуть этой твердыни гордости и воли. Я отлично знаю, гдѣ я нахожусь: съ каждымъ днемъ я на одну ступень спускаюсь къ пропасти. Пускай!... Съ горстью моихъ храбрецовъ, которые слѣдуетъ за мною, какъ за своимъ Богомъ, я только задерживаю минуту неизбѣжнаго паденія, ничего больше. Міръ взираетъ на меня съ вниманіемъ и изумленіемъ. Картины войны и разоренія...—Потрясеніе всего живущаго... Трауръ и развалины...—Я этого не отрицаю. Но въ концѣ концовъ этотъ упорный героизмъ, эта борьба безъ надежды, предпочтенная трусливымъ колебаніямъ, они поднимутъ человѣка, и пасть на родной землѣ, ее защищая,

лучше, чѣмъ умирать спокойно въ постели". „Предпочесть полную погибель какой бы то ни было уступкѣ, собственному униженію,—это урокъ и примѣръ, который я хочу дать. Если я пришелъ въ міръ не съ тѣмъ, чтобы открыть ему какія либо истины, по крайней мѣрѣ я ему покажу, что такое мужчина. Отъ меня узнаютъ, какъ борятся до конца."

„Меня, значить, не поняли, когда я сказалъ депутатамъ, которые воспользовавшись моимъ несчастіемъ, въ первый разъ подняли робкіе голоса, чтобы упрекать меня: „Я изъ тѣхъ людей, которыхъ можно убить, но не обезчестить."

„Я считаю для себя безчестіемъ согласиться спуститься послѣ того, какъ я поднялся такъ высоко. Другимъ пусть достается умаленный тронъ; я лучше откажусь отъ всего."

„И наконецъ они не замѣчаютъ, что сохраняя незапятнаннымъ мое достоинство, я ограждаю и обезпечиваю мое будущее. Украшая мое пораженіе, я дѣлаю возможнымъ мое возвращеніе впослѣдствіи. Раздѣленная со мною превратность судьбы укоренить меня еще болѣе въ сердцѣ Франціи, чѣмъ мои успѣхи. Эта послѣдняя борьба станетъ легендою, передаваемою въ хижинахъ.—Они ничего не понимаютъ; но я,—я знаю и предвижу. Позоръ убилъ бы славу,—моя непоколебимость ее спасаетъ.

„Эта слава, къ тому же, развѣ она только моя? Я утверждаю, что это также и слава Франціи."

„Итакъ пусть Европа съ ея пятью великими державами, идетъ на одного человѣка съ остаткомъ арміи, пусть выкорчуетъ меня наконецъ. Она еще повозится."

„Я цѣликомъ кидаюсь въ эту борьбу. Это просто, ясно и велико, и во мнѣ нѣтъ и тѣни сомнѣнія или колебанія."

„Если ядро поразитъ меня, хорошо."

„Если я буду пощаженъ, драма будетъ продолжаться; моя энергія, превзойдя все, что до сихъ поръ было видано, можетъ еще извлечь неожиданный блескъ изъ случайностей войны. Я прибавлю еще одинъ вѣнецъ къ моей славѣ защитою родной земли и я создаю себѣ послѣдніе шансы."

„На непріятеля"!

Этотъ монологъ, вставленный въ уста Наполеона, конечно не можетъ претендовать на роль исторической характеристики момента; но онъ довольно близко подходитъ къ натурѣ Наполеона и можетъ поэтому служить литературной иллюстраціей его душевнаго настроенія во время послѣдней отчаянной борьбы.

Мы знаемъ, какъ расплатился Наполеонъ за свое честолюбіе и какъ Франція расплатилась за Наполеона. Займемся теперь историческимъ значеніемъ внѣшней и внутренней его политики.

Что сдѣлалъ Наполеонъ для внутренней жизни Франціи? Когда онъ принялъ диктатуру, у Франціи было два выхода: старый режимъ и Бурбоны, и дискредитированная республика разныхъ оттѣнковъ; въ перспективѣ обоихъ виднѣлась междуусобная война и, можетъ быть, опасность самаго политическаго существованія. Другого выхода, внѣ диктатуры не было, и она спасла Францію.

Ставъ диктаторомъ, Наполеонъ организовалъ новый порядокъ, создалъ или переработалъ законы, администрацію, полицію, систему народнаго просвѣщенія и т. д. словомъ, въ его время и при его участіи создался тотъ государственный организмъ, который въ главныхъ чертахъ сохранился во Франціи и до нашихъ дней. Эта прочная работа, сочетавшая традиціи старой Франціи съ принципами 89-го года, укрѣпила эти послѣдніе въ общественной жизни Франціи настолько, что пятнадцать лѣтъ спустя послѣ переворота 1799 года вырвать ихъ изъ нея оказалось невозможнымъ. Можно было подъ эгидой непріятельскихъ штыковъ водворить въ Парижѣ престолъ Бурбоновъ, но возстановленіе стараго порядка оказалось не только невозможнымъ, но даже немыслимымъ, тогда какъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ такая попытка имѣла за собою нѣкоторые шансы успѣха, или по крайней мѣрѣ, не представлялась безумною.

Въ этомъ укрѣпленіи новаго гражданскаго строя Франціи и заключается значеніе времени и дѣятельности Наполеона.

Для правильной оцѣнки послѣдней необходимо остановиться на вопросѣ, сознательно ли онъ относился къ своей

задачѣ и понималъ-ли историческое значеніе своего времени?

Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно. Разговаривая однажды съ Шапталемъ о характерѣ революціи, онъ высказался такимъ образомъ: „Французскій народъ былъ задѣваемъ въ своихъ наиболѣе дорогихъ интересахъ. Дворянство и духовенство унижали его своею надменностью и своими привиллегіями.

Они давили его тѣми правами на его трудъ, которыя они присвоили себѣ. Онъ томился подъ этой тяжестью долго; но наконецъ онъ пожелалъ стряхнуть ярмо, и Революція началась. Паденіе монархіи было только послѣдствіемъ тѣхъ препятствій, которыя ставились Революціи; оно вовсе не входило въ намѣренія революціонеровъ.*).

Эти слова съ достаточною ясностью показываютъ, что Наполеонъ вѣрно понималъ то общественное движеніе, которое совершалось въ революціи и вѣрно подмѣтилъ, что паденіе королевской власти было, такъ сказать попутнымъ дѣломъ этого движенія, а не вызывалось его сущностью. Если, такимъ образомъ, мы видимъ, что онъ свою дѣятельность направляетъ на упроченіе гражданскихъ завоеваній Революціи, то онъ это дѣлалъ сознательно, а не случайно.

Но, можетъ быть, онъ дѣлалъ это, видя въ этомъ средство своего возвышенія и вовсе не интересуясь сохраненіемъ новаго порядка на время, которое послѣдуетъ послѣ его смерти?

Такъ именно думалъ Тэнъ. Вотъ что онъ говоритъ объ отношеніи Наполеона къ государству. Сравнивая его съ французскими королями, у которыхъ по мнѣнію Тэна было сильно развито чувство государственной пользы, онъ находитъ, что „у ихъ импровизированнаго преемника не доставало этого принципа. На тронѣ, какъ на полѣ битвы, будучи генераломъ, консуломъ или императоромъ, онъ остается офицеромъ карьеристомъ (officier de fortune), который только думаетъ о своемъ повышеніи. Вслѣдствіе громаднаго пробѣла въ вос-

---

*) Chaptal. Mes souvenirs p. 309.

питаніи, въ совѣсти и въ сердцѣ, вмѣсто того, чтобы подчинять свою личность государству, онъ подчиняетъ послѣднее своей личности. За предѣлами своей физической жизни его взоръ не видитъ націи, которая его переживетъ, а потому онъ жертвуетъ будущимъ настоящему, и его дѣло непрочно.*).

Въ подтвержденіе своего взгляда Тэнъ сылается на слова брата Наполеона Жозефа, сказанныя въ 1803 году. Эти слова во 1) не подтверждаютъ взгляда Тэна, а во 2) еслибы это и было такъ, то на нихъ нельзя было-бы положиться, ибо Жозефъ былъ не безпристрастенъ къ Наполеону. Между тѣмъ въ воспоминаніяхъ Шапталя есть не догадка, не мнѣніе, а фактъ, который указываетъ нѣчто иное. Какъ то разъ Камбасересъ предложилъ Наполеону на высокій постъ въ магистратурѣ одного яраго якобинца. Наполеонъ отказалъ ему въ этомъ назначеніи и по этому поводу сказалъ: „пока я живъ, я не боюсь этихъ людей; я сумѣю ихъ сдержать; но когда я умру, они васъ столкнутъ. Вѣрьте мнѣ, не надо давать первостепенныхъ постовъ выдающимся якобинцамъ; въ моментъ кризиса у васъ не будетъ силы сдержать ихъ. Если я умру, держите меня недѣлю въ постели, увѣряя, что я еще дышу, и воспользуйтесь этимъ временемъ, чтобы все устроить и поставить этихъ людей въ невозможность дѣйствовать“.**).

Это было сказано, когда Наполеонъ былъ еще консуломъ, когда, слѣдовательно, онъ еще возвышался и когда сдѣланное дѣло не успѣло стать ему дорогимъ. И тогда уже онъ интересовался его существованіемъ за предѣлами своей физической жизни.

Весьма мало вѣроятно, чтобы человѣкъ талантливый, какимъ былъ Наполеонъ, не привязался къ своему созданію и не заботился бы о его будущности. На основаніи сказаннаго мы должны, напротивъ, признать, что дѣятельность Наполеона была дѣломъ сознательнымъ и не расчитаннымъ

---

*) Taine. Regime Moderne p. 108.

**) Chaptal. ibid p. 312.

только по гробъ жизни, а на болѣе длинный срокъ существованія національныхъ интересовъ Франціи.

Во внѣшней политикѣ Наполеона красной нитью проходитъ непримиримая вражда къ Англіи и стремленіе къ господству въ центральной Европѣ.—Правда, были субъективныя причины, создавшія ненависть Наполеона къ Англіи; но для насъ интереснѣе то, что эта личная ненависть совпадала съ традиціоннымъ политическимъ и торговымъ антагонизмомъ Франціи и Англіи. Съ того момента, какъ Людовикъ XIV въ своемъ стремленіи овладѣть Испаніей и ея владѣніями въ Бельгіи встрѣтился съ Англіей, въ теченіе всего XVIII вѣка Франція и Англія при всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ оказываются во враждебныхъ лагеряхъ.

Въ теченіе этого вѣка Англія не только мѣшаетъ политикѣ Франціи на континентѣ Европы; но еще болѣе сильные удары наноситъ ей въ ея колоніяхъ и въ торговлѣ. Франція теряетъ свое монопольное положеніе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, теряетъ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и лишается Канады. Отсюда ненависть къ Англіи у французовъ и желаніе возвратить понесенныя утраты. Въ этой ненависти они сходились съ Наполеономъ, и онъ, борясь съ Англіей, продолжалъ старыя традиціи Франціи.

Тоже самое надо сказать и о политикѣ по отношенію къ Германіи и Пруссіи. Стародавняя политика Франціи видѣла въ раздробленной Германіи матерьялъ для территоріальнаго расширенія Франціи. Наполеонъ выразилъ эту политическую тенденцію въ болѣе рѣзкой формѣ: Наполеоновскій Рейнскій союзъ есть болѣе развитая форма тѣхъ союзовъ съ курфюрстомъ Баварскимъ и другими государями Германіи, которыми Людовикъ XIV старался обезпечить тамъ свою гегемонію. Политика по отношенію къ Австріи продолжаетъ собою старое соперничество Валуа и Бурбоновъ съ Габсбургами въ Испаніи и въ Германіи. Если борьба съ Англіей послѣ Наполеона затихаетъ, то политика по отношенію къ Германіи остается и послѣ Наполеона въ прежнемъ видѣ, такъ-что усиленіе Пруссіи при объединеніи Сѣвер-

ной Германіи вызвало во Франціи такую же вражду, какую въ XVIII вѣкѣ вызвало усиленіе ея при Фридрихѣ II.

Но будучи въ связи съ традиціями французской политики, политика Наполеона представляетъ и существенныя отличія.

Прежде всего онъ не удовольствовался гегемоніей, а сталъ полновластнымъ господиномъ какъ въ центральной Европѣ, такъ и въ Италіи. Это господство сопровождалось перемѣнами въ общественномъ строѣ тѣхъ націй, которыхъ это господство касалось: отмѣнялись феодальныя привилле-гіи, вводилось законодательство, основанное на принципѣ равенства предъ закономъ, и появлялся судъ присяжныхъ. Это было развитіемъ той пропаганды, которая начата была еще во время Революціи. Понятно, почему въ глазахъ привиллегированныхъ классовъ старой Европы Наполеонъ являлся исчадіемъ Революціи.

Съ другой стороны господство Наполеона отражалось въ секуляризаціи церковныхъ владѣній, упраздненіи мелкихъ государствъ и государей и въ образованіи болѣе крупныхъ политическихъ единицъ. Это мы видимъ и въ Италіи, и въ Германіи.

Стремленіе Наполеона къ господству въ Европѣ, само по себѣ довольно химерическое, осложнялось еще фантастическими планами возстановленія сначала монархіи Карла Великаго, а потомъ Александра Македонскаго. Эти фантазіи и это стремленіе къ господству надъ Европой Тьеръ справедливо называетъ бредомъ безумнаго, и въ результатѣ такой политики только и могли быть всеобщая реакція и крушеніе могущества Франціи.

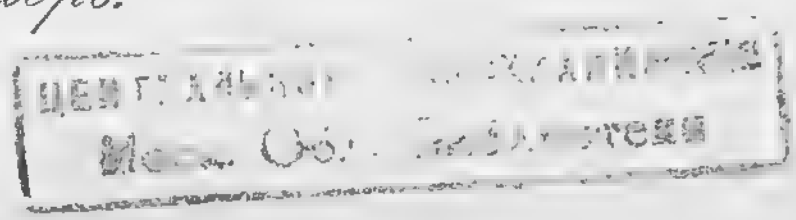
Тѣмъ не менѣе эта политика оставила глубокіе слѣды въ Европѣ. Отмѣна феодальныхъ привиллегій и введеніе кодекса Наполеона познакомили европейское общество на практикѣ, а не изъ книгъ только, съ новыми основаніями политической и общественной жизни. Отсюда появленіе и развитіе партій, которыя проводятъ въ жизнь эти основанія. „Либералы“ въ Испаніи, карбонары и другіе либеральные союзы

въ Италіи, партія молодой Германіи, все это порожденіе потрясеній, вызванныхъ господствомъ Наполеона.

Далѣе, унизительность положенія нести чужеземное иго, вызвала, какъ реакцію, пробужденіе національнаго чувства, а образованіе болѣе крупныхъ политическихъ единицъ вызвало сознаніе національнаго единства и породило стремленіе къ политическому объединенію на національной основѣ. Борьба съ Наполеономъ нѣмцевъ въ 1813 и 1814 году шла подъ знаменемъ идеи національнаго освобожденія и объединенія. Такимъ образомъ, національныя движенія XIX вѣка, поведшія къ объединенію Италіи и Германіи, къ освобожденію Греціи, Сербіи и Болгаріи, къ помысламъ славянъ о политическомъ объединеніи коренятся во внѣшней политикѣ Наполеона, равно какъ съ нею же находятся въ связи и политическія движенія съ цѣлью преобразованія государства по принципамъ гражданскаго равенства и суверенаго права народа въ противоположность феодальнымъ привиллегіямъ и теоріи трансцендентальнаго происхожденія королевской власти. Само собою разумѣется, что всѣ эти послѣдствія явились въ значительной мѣрѣ помимо сознательной дѣятельности Наполеона и даже противъ его воли; но тѣмъ не менѣе однако ими опредѣляется историческое значеніе его внѣшней политики, и эти явленія исторіи Европы XIX вѣка были бы непонятны, если бы мы не знали ничего объ этой политикѣ.

И такъ, какъ во внутренней жизни Франціи Наполеонъ стоитъ въ связи съ ея прошлымъ и будущимъ, и его работа оставила глубокіе сдѣды, такъ тоже самое мы видимъ и во внѣшней политикѣ, съ тою однако разницею, что въ первой больше цѣлесообразности и практичности, тогда какъ во второй больше фантазіи и игнорированія насущныхъ интересовъ реальной жизни.

Кіевъ. 1896 г., Декабрь.



ИБЛИОТЕКА
ОБК